

Журналъ Высшаго Комитета
Синода.

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Марта № 5. 1877 года.

I. РАСПОРЯЖЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВ. СИНОДА.

Отъ 10 ноября — 21 декаб. 1876 г. — 0 книгъ И.
Гаврилова: „Письменные упражненія“.

Св. Синодъ слушалъ предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, съ журналомъ учебнаго комитета, коимъ составленная наставникомъ-руководителемъ прогимназіи Императорскаго историко-филологическаго института Иваномъ Гавриловымъ книга, подъ заглавіемъ: «Письменные упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (2-е испр. издание. С.-Петербургъ, 1875 г.) одобряется для духовныхъ семинарій въ качествѣ учебнаго пособія для преподавателей русской словесности, съ тѣмъ, чтобы преподаватели, при пользованіи этою книгою, имѣли въ виду приведенныя въ отзывѣ о ней замѣчанія. Приказали: Заключение учебнаго комитета утвердить и, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить о семъ установленнымъ порядкомъ, съ приложеніемъ копи съ журнала комитета.

Журналь учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

О составленной наставникомъ—руководителемъ при гимназiи историко-филологическаго института И. Гавриловымъ книгѣ, подъ заглавiемъ: „Письменныя упражненiя. Руководство къ веденiю и составленiю ученическихъ сочиненiй въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ (2 изд. С.-Петербургъ. 1875г.)“, авторъ которой проситъ одобрить его книгу въ качествѣ руководства при составленiи сочиненiй въ старшихъ классахъ духовныхъ семинарiй.

Г. Гавриловъ давно уже извѣстенъ своими трудами по вопросу объ ученическихъ письменныхъ упражненiяхъ. Первоначально статьи его по этому предмету являлись въ приложенiяхъ къ «циркулярамъ по московскому учебному округу», въ «Педагогическомъ обзорѣни»; затѣмъ болѣе обстоятельное изложенiе предмета его явилось въ «Журналь минист. народ. просвѣщ.», изъ котораго отдѣльныя оттиски были въ продажѣ; нынѣ послѣднiй трудъ г. Гаврилова является во 2-мъ исправленномъ изданiи. Пересматривая оба изданiя, нельзя не видѣть, что въ послѣднемъ сдѣланы многiя и важныя улучшенiя; обстоятельство это, свидѣтельствуя о добросовѣстномъ отношенiи автора къ предмету, даетъ надежду, что авторъ не остановится на пути улучшенiй своего труда и въ послѣдующихъ изданiяхъ.

Разсматриваемый трудъ г. Гаврилова представляетъ почтенное явленiе въ нашей небогатой педагогической литературѣ по вопросу о письменныхъ ученическихъ упражненiяхъ. Авторъ пользовался лучшими иностранными сочиненiями по своему предмету, особенно германскими; но, не оставаясь пассивнымъ ихъ воспроизводителемъ, онъ провѣрялъ теорiю собственной практикой; по крайней мѣрѣ трудъ его несомнѣнно носитъ слѣды самостоятельной обработки предмета. Можно сказать, что по полнотѣ изложенiя, по обилiю руководящихъ правилъ и массѣ обработанныхъ образцовъ, трудъ г. Гаврилова пока не имѣетъ въ нашей педагогической литературѣ соперника. Что авторъ руководился собственной практикой и подвергалъ провѣркѣ положенiя и выводы современной педагогiи по своему предмету, это не подлежитъ сомнѣнiю; а что онъ пользовался лучшими изъ иностранныхъ пособiй, это составляетъ заслугу. Почтенный авторъ въ началѣ своего

труда даетъ подробный перечень пособій по своему предмету, за это его конечно поблагодарятъ наставники, жаль только, что этому перечню недостаетъ хотя краткихъ критико-библиографическихъ замѣчаній о сравнительномъ достоинствѣ каждаго изъ пособій. Это особенно полезно было бы для молодыхъ преподавателей, которые съ литературой этого предмета не успѣли еще познакомиться: выписывать всѣ пособия было бы дорого, а лучшія они не могутъ различить по однимъ заглавіямъ.

По содержанію своему трудъ г. Гаврилова, какъ уже сказано, отличается полнотою; онъ затрогиваетъ почти всѣ вопросы относительно веденія и составленія ученическихъ сочиненій, или вѣрнѣе, письменныхъ упражненій. Книга г. Гаврилова раздѣляется на 3 главы, изъ которыхъ въ первой изложены: а) область и цѣль письменныхъ упражненій, б) степени и виды оныхъ и в) порядокъ письменныхъ работъ. Вторая глава заключаетъ въ себѣ: а) заготовленіе матеріала для сочиненія; б) «безыскусственное изобрѣтеніе», в) «искусственное изобрѣтеніе», куда входятъ: уясненіе, возведеніе къ единству и анализъ темы, изобрѣтеніе доводовъ, риторическій и логическій способы изобрѣтенія доказательствъ, опредѣленіе понятій. Третья глава представляетъ раскрытіе «изложенія изобрѣтеннаго матеріала»; въ заключеніе даны руководящія правила относительно направленія сочиненій.

Соединяя теорію съ практикой, авторъ вводитъ въ изложеніе предмета обработку темъ, число которыхъ, по указателю въ началѣ книги, восходитъ до 56.

И такъ, задуманъ трудъ г. Гаврилова широко и въ выполненіе его почтенный авторъ не мало приложилъ старанія и усердія; тѣмъ не менѣе книга его является не свободною отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Въ изложеніи ихъ комитетъ будетъ слѣдовать порядку самой книги.

Авторъ начинаетъ первую главу опредѣленіемъ цѣли всего гимназическаго преподаванія. Главное назначеніе всего совокупнаго гимназическаго преподаванія и каждаго предмета въ отдѣльности, по его мнѣнію, обратитъ съ живою капиталью учащихся, какъ выражается Дейнгардъ, субстанцію духа, который вложенъ благороднѣйшими и образованнѣйшими представителями человѣчества въ ихъ

произведеніи. Опредѣленіе это и логически и реально нельзя признать самостоятельнымъ. Что такое «субстанція духа»? Ученикъ, положимъ, изучаетъ математику, физику, — чью и какъ онъ при этомъ усваиваетъ субстанцію? Цѣль гимназическаго образованія проще и прямѣе: а) сообщить ученикамъ прочное и вѣрное знаніе предметовъ гимназическаго учебнаго курса; б) научить, по возможности, практическому умѣнью прилагать знаніе къ дѣлу, и в) благотворно подѣйствовать на возбужденіе всей духовной жизни учащихся. А «субстанція духа» нѣчто неуловимое, неясное, неопредѣленное, какъ и «превращеніе силы въ энергію», что авторъ считаетъ «въяцномъ гимназическаго образованія» (ibid).

На страницѣ 2 авторъ говоритъ, что у воспитанниковъ «изъ благородныхъ чувствъ формируется чистый нравъ». Если подъ «нравомъ» авторъ разумѣетъ характеръ, что здѣсь кажется только и можно разумѣть, то высказанная имъ мысль психически невѣрна. Характеръ слагается не изъ однихъ «благородныхъ чувствъ» и въ образованіи его гораздо болѣе участвуютъ воля и сознаніе. Если же подъ «нравомъ» авторъ разумѣетъ нѣчто иное, то приведенная фраза требуетъ поясненія, иначе она не будетъ имѣть смысла для людей, говорящихъ обыкновеннымъ языкомъ.

Говоря о гимназическомъ образованіи, авторъ называетъ его космополитическимъ (стр. 3), едвали это вѣрно. Далѣе онъ говоритъ: «Школѣ надлежитъ познакомиться о національномъ колоритѣ сообщаемаго ею образованія» (ibid). Но колоритъ — цвѣтъ, краска, относится къ внѣшней сторонѣ предмета; почтенный авторъ забылъ о духѣ живомъ, будетъ онъ — явится и колоритъ. Забота же о „колоритѣ“ — пустая забота.

На стр. 6 авторъ высказываетъ такую мысль: «Давя свѣдѣнія изъ области эстетики не переставали быть элементарными и вмѣстѣ основательными, они должны быть извлекаемы изъ поэтики Аристотеля». Изученіе источниковъ всякой науки и вообще теоріи принадлежитъ не къ элементарному, а къ спеціальному образованію, а потому и нѣтъ основаній согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ данномъ случаѣ.

На стр. 7 авторъ защищаетъ посильность для учениковъ темы: «*Не излишня-ли* въ Пиллеровской «Орлеанской Дѣвѣ» сцена съ Монгомери»? Защита его не отличается состоятельностью по подобныя темы, по самой своей формѣ, произвольны и неудобны. Конечно можно обо всемъ спрашивать, но гораздо лучше идти *положительнымъ* путемъ — раскрытія изучаемаго предмета въ его основаніяхъ и частностяхъ, а не путемъ *произвольныхъ* предположеній, для которыхъ не видно и никакого основанія.

На стр. 11 авторъ, говоря о цѣлости сочиненія, поясняетъ: «а цѣлое есть не что иное, какъ *цѣлостнообразная* сплоченныя между собою части». Но это механическій взглядъ на цѣлость, чисто внѣшняго характера; въ сочиненіи же должна быть цѣлость внутренняя, *органическая*, причеиъ часто не «сплочены», а нераздѣльно соединены съ основною мыслию сочиненія, изъ которой они все и возникаютъ. На слѣдующей страницѣ авторъ рассматриваетъ еще *единство* и *цѣлость*, какъ два особая свойства сочиненія, между тѣмъ цѣлость представляетъ и *единство* въ разнообразіи.

На стр. 14 авторъ говоритъ, что «сочиненія на родномъ языкѣ служатъ, по ихъ *содержанію*» — «приложеніемъ» и «мѣридомъ» приобрѣтенныхъ свѣдѣній, а «по *формѣ*» — упражненіемъ въ литературной рѣчи и связномъ *изложеніи*». Здѣсь пропускъ: авторъ совершенно опустили изъ виду *собственную мысль* учащихъся, какъ и силу, требующую развитія...

И ниже, на стр. 16, авторъ говоритъ, что если брать матеріалъ для сочиненій изъ другихъ предметовъ гимназическаго курса (кромѣ отеч. писат.), то исключительно съ *формальной* цѣлью, но реальная — невыдѣлима и здѣсь *Единство* *обѣихъ цѣлей* должно пронизывать весь гимназическій курсъ.

На стр. 20 представляется непонятнымъ слѣдующее мѣсто: «Добрый преподаватель заботливо *заколачиваетъ щели*, изъ которыхъ могутъ пахнуть на его учениковъ *мертвящимъ духомъ*». О какихъ „щеляхъ“ идетъ рѣчь и что значитъ «заколачивать щели» — неизвѣстно.

Выставленныя на стр. 22 возраженія въ формѣ вопросовъ („неужели гимназистъ *никогда* не долженъ приучаться

возводить къ сознанию дремлющія (?) въ немъ представленія» и т. д.) кажутся безцѣльными, ибо никто такихъ возраженій, кромѣ автора, не высказывалъ и не выскажетъ.

На стр. 23 говорится, что юноши въ гимназіи «готовятся для университета, библиотеки, кабинета», — это односторонне. «Non Scholae, sed vitae discimus». Гимназія должна не только учить, но и воспитывать для жизни; ученыхъ prepares не гимназія, а университетъ.

На стр. 26 указывается на тотъ будто бы «общеизвестный фактъ», что не получившіе никакого образованія писцы, переписывая дѣловые бумаги, «даже приобрѣтаютъ навыкъ къ составленію бумагъ». Это преувеличено. Что въ орфографіи этимъ путемъ навыкнуть можно, это такъ; но переписываніе механическое совершенно оупляетъ смыслъ человѣка и многіе изъ такихъ «писателей», не поморщась, переписуютъ свой смертный приговоръ и не подозрѣвая, что идетъ о нихъ.

На стр. 30 даются вопросы для описаній и рассказовъ младшему возрасту, но вопросы поставлены произвольно, невидно основанія ихъ группировки, а равно и причины расположенія въ данномъ именно порядкѣ.

На стр. 31 авторъ говоритъ, что «амплефикація содѣйствуетъ развитію творческой силы и воображенія», но это не вѣрно. Самъ авторъ ставитъ это упражненіе въ томъ, чтобы «данныя слова ученикъ развивалъ въ предложеніе или періодъ, а затѣмъ въ цѣлый рассказъ». Имѣя же дѣло съ «данными (т. е. чужими) словами» и вообще съ чужими словами, ученикъ этимъ путемъ можетъ выработать свободу рѣчи и оборотливость словесную, стиль, а отнюдь не творческую силу». Последнее тѣмъ болѣе невозможно, что авторъ настаиваетъ на ограниченіи мысли ученика въ этомъ упражненіи и на стр. 34 требуетъ, чтобы учитель «хорошо ознакомилъ учениковъ съ подлежащимъ описанію предметомъ» и даже «выяснилъ точку зрѣнія на послѣдній, такъ чтобы мысль ученика «вращалась въ точно опредѣленныхъ рамкахъ», «не переступая указанныхъ границъ», — гдѣ же тутъ просторъ для творческой силы и воображенія?

На стр. 16 авторъ говоритъ: «Еще въ гимназіи ученикъ можетъ положить начало уразумѣнію нашей духовной

жизни, насколько это достигается сознаниемъ ощущений, воспринимаемыхъ изъ міра, живущаго въ пространствѣ и времени». «Насколько» и проч. представляется непонятнымъ для читателя. Уразумѣніе нашей духовной жизни прежде всего относится къ самосознанію, — вникая, вздумываясь въ себя, всматриваясь въ собственную дѣятельность, въ побужденія и основанія ея, мы постепенно приходимъ къ уразумѣнію нашей духовной жизни; важное значеніе при этомъ можетъ имѣть психическій анализъ литературныхъ типовъ. Все это всѣмъ извѣстно и понятно; но что такое «сознаніе ощущений, воспринимаемыхъ изъ міра, живущаго въ пространствѣ и времени» — неизвѣстно и непонятно.

На стр. 35 авторъ перечисляетъ *виды* упражненій, которыя должны начаться въ низшихъ и продолжаться въ среднихъ классахъ. Перечисленію этому недостаетъ логики, упражненія перечислены совершенно произвольно, группируются безъ опредѣленнаго основанія для дѣленія и дѣли, такъ что съ равнымъ правомъ ихъ можно бы поставить и въ другіе ряды, по личному усмотрѣнію, какъ дѣлаетъ авторъ.

Совершенно тотъ же недостатокъ логики, отсутствіе основанія для дѣленія и какого бы то ни было основанія замѣчается въ главѣ: «Порядокъ письменныхъ упражненій» на стр. 36—37. «Порядокъ» этотъ весьма *безпорядоченъ*. Напримѣръ, авторъ въ такомъ *порядкѣ* приводитъ упражненія:

- 1) «Названіе предметовъ, находящихся въ *известномъ пространствѣ*» (?!).
- 2) Названіе предметовъ, обнимаемыхъ однимъ общимъ наименованіемъ (можно подумать, что эти предметы уже *въ* пространства, иначе они войдутъ въ первый пунктъ).
- 3) «Названіе сперва *видимыхъ*, потомъ *невидимыхъ* частей предмета».
- 4) «Наименованіе предметовъ *Ощущаемыхъ* (sic) нами либо чувствомъ»; взглядъ автора совершенно *необыченъ*; авторъ полагаетъ, что мы «чувствами *ощущаемъ* предметы»... Если это не обмолвка, то читатель имѣетъ право заключить, что почтенный авторъ мало знакомъ съ психологіей. Это разъ. Во вторыхъ, предметы, о которыхъ теперь говоритъ авторъ, не суть ли въ *пространствѣ*? А тогда не будетъ ли это упражненіе № 1?

5) *Писаніе дѣйстви* (?), качествъ или признаковъ какого-либо предмета.

6) Простое предложеніе и т. д. Во всемъ этомъ, очевидно, нѣтъ логическаго основанія для группировки упражненій. Мы свазали, что готовы допустить со стороны автора обмолвку въ выраженіи, что мы «ощущаемъ предметы»; въ сожалѣнію, почтенный авторъ по слѣдующимъ разъясненіямъ ставитъ читателя въ невозможность допустить здѣсь обмолвку. Именно далѣе говорится: «Назвать *предметы*, которые можно ощущать зрѣніемъ, обоняніемъ, осязаніемъ и тому подобное» (?). Значитъ, авторъ серьезно увѣренъ, что *предметы* можно ощущать. Далѣе онъ даже указываетъ эти *предметы*: «указать говоритъ онъ, какими *чувствами* ощущаются слѣдующіе *предметы*: мѣлъ; лошадь перо и тому подобное». Едва ли найдется психологъ, который бы могъ отвѣтить на вопросъ: какими чувствами ощущается напримѣръ *лошадь*? «Лошадь» — понятіе, а слѣдовательно оно только *мыслится*, но не ощущается; внѣшнимъ чувствамъ доступны только ощущенія, которыя, послѣдовательно сочетаясь въ воспріятіи, переходятъ въ представленія, дающія умственный образъ предмета; но внѣшними чувствами ощущать *предметъ* невозможно.

На стр. 38 авторъ говоритъ, что приведенныя упражненія «должны производиться не безъ плана, не случайно», но самъ авторъ плана не даетъ и располагаетъ ихъ случайно, произвольно.

На стр. 47 авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе періода: «періодомъ называется каждое *искусно* построенное предложеніе, выработанное до изящной цѣлости». Но періодъ можетъ быть и *не искусно* построенъ, а все будетъ періодъ. Данное опредѣленіе узко. И въ дальнѣйшихъ изъясненіяхъ періода есть неточности.

На стр. 53 тема: «Слава — дымъ, свѣтъ — судья — лукавый», по нашему убѣжденію, для учениковъ неудобна. Ни о «славѣ», ни о «судѣ свѣта» и его условіяхъ ученики точныхъ понятій не могутъ имѣть и въ отвѣтъ наговорить общія фразы, съ чужаго голоса, не болѣе.

Тамъ же тема: «Береги здоровье съ молодую, а честь — юду старость», тоже неудобна. Это одинъ изъ парадок-

совь, какихъ не мало ходитъ въ видѣ пословицъ. Честь надо беречь не подь старость только, а *всегда*, и въ молодости особенно: потерянную честь не возвратитъ. Здоровье тоже и въ старости надо беречь.

На стр. 57 ставится вопросъ, лучше-ли давать нѣсколько темъ на выборъ, или назначить одну тему для всѣхъ учениковъ. Вопросъ этотъ спорный; есть авторитеты и съ той, и съ другой стороны. Но нельзя считать, согласно съ мнѣніемъ автора, образцевымъ приемъ Лааса, который «назначаетъ для приватнаго чтенія на цѣлый семестръ Лессингова Лаокоона и рядомъ съ этимъ даетъ для каждаго термина по нѣскольку темъ, которыя бы руководили учениковъ въ чтеніи». Для такого изученія цѣлаго произведенія у насъ нѣтъ времени; да и основанія для сего нѣтъ въ педагогіи. Затѣмъ взгляды Нимейера на задаваніе многихъ темъ на выборъ одностороненъ. Рѣшеніе этого вопроса всего бы лучше предоставить усмотрѣнію, такту и опытности учителя.

На стр. 61 тема: «Трудъ — это бальзамъ для крови, т. е. источникъ добродѣтели», слишкомъ изысканно выражена, страдаетъ тѣмъ, что признается недостаткомъ въ сочиненіи учениковъ. Простота выраженія составляетъ первое качество темы.

На стр. 62 тема: «Что такое, по представленію Гомера, *существенное*»? представляется непосильною для учениковъ, да и не ясною по смыслу.

Статья «Размышленія» (стр. 64 и слѣд.) написана особенно тяжелымъ языкомъ. Хотя и вообще рѣчь г. Гаврилова не отличается легкостью и изяществомъ, но здѣсь отрицательныя ея качества выдаются особенно рѣзко. Неизвѣстно, зачѣмъ понадобился здѣсь автору отрывокъ изъ Фихте (по Гикке), онъ ровно ничего не вноситъ въ разъясненіе дѣла, но возбуждаетъ недоумѣніе странной, неуклюжей формой изложенія. Не имѣя подь руками подлиннаго текста, не знаешь, кому приписать эти недостатки, автору или переводчику; но весь отрывокъ представляется бесполезной вставкой, дѣлу ровно ничего не прибавляющей. Здѣсь говорится: «Хотя человекъ по природѣ *существо представляющее, но и не болѣе того*». Что съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма такое опредѣленіе

человѣка возможно, это такъ; но зачѣмъ оно здѣсь? И что значить добавка: «но и не болѣе того»? Значить-ли это, что кромѣ представленій въ человѣкѣ не дано возможности для другихъ формъ проявленія жизни мыслящаго я? Но это не вѣрно даже съ точки зрѣнія Фихте. Далѣе говорится: «Его (человѣка) духъ есть *представляющая машина*, опредѣляемая къ дѣятельности извнѣ по извѣстнымъ, находящимся *въ немъ самомъ* законамъ. Можно много знать, много изучать, много читать, много слышать, *но и только*» и т. д. (стр. 64). Здѣсь что ни шагъ, то «препятствіе», что ни слово, то загадка. Говорится о «представляющей машинѣ»; но по Фихте я въ первомъ моментѣ *мыслитъ* себя какъ я; мыслить не значитъ еще *представлять* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *чистыхъ* понятіяхъ. Полагая себя какъ *не-я*, мыслящее я *творитъ* изъ себя объективный міръ въ силу законовъ мысли; причемъ переходитъ въ область самоограниченія, а въ области практической (моральной) я возстановляетъ абсолютность своихъ опредѣленій къ дѣятельности и, выходя изъ идеи нравственнаго долга, создаетъ систему высшей морали. И такъ, и по Фихте нельзя сказать, чтобы духъ человѣка былъ «*только* представляющею машиною». Да наконецъ къ чему все это здѣсь? Ужели авторъ не могъ самъ проще, нагляднѣе, доступнѣе и ближе къ цѣли раскрыть значеніе «размышленія» въ обработкѣ сочиненія? Теперь же, вмѣсто разъясненія, дѣло только запутано.

На стр. 65 авторъ дѣлаетъ неудачное примѣненіе словъ Спасителя къ учителю, корректирующему ученическія упражненія. Самое изрѣченіе неправильно понято (Лук. XI, 46).

На стр. 66 авторъ употребляетъ «безъискусственное изобрѣтеніе» совершенно своеобразно. Онъ его относитъ къ темамъ, имѣющимъ предметомъ переработку *готоваго* матеріала, т. е. къ темамъ, извлеченнымъ изъ прочитаннаго сочиненія. Но достаточно взглянуть на расположеніе подобныхъ темъ въ примѣрахъ самого автора, чтобы видѣть всю *искусственность* ихъ расположенія; объ изобрѣтеніи же собственно здѣсь не можетъ быть рѣчи, ибо какое же „изобрѣтеніе“ тамъ, гдѣ данъ *готовый* матеріалъ и гдѣ слѣдовательно вся задача состоитъ въ планѣ,

въ расположеніи готоваго матеріала по извѣстнымъ рубрикамъ. Собственно «изобрѣтеніе», т. е. открытіе новыхъ мыслей, выведеніе ихъ изъ данной темы по извѣстнымъ даннымъ приѣмамъ и способамъ принадлежитъ темамъ, гдѣ содержаніе составляетъ вопросъ и гдѣ матеріаль сочиненія вырабатывается самимъ ученикомъ.

На стр. 82 авторъ такое „искусственное изобрѣтеніе“ приписываетъ *только моральнымъ* темамъ; но и это не вѣрно. Дается, напр. тема „*Proetae nascuntur, oratores fiunt*“ — что въ ней моральнаго? Но она можетъ быть раскрыта путемъ искусственнаго изобрѣтенія. Тоже надо сказать о темахъ: «Польза земледѣлія», «О дружбѣ», «Время — деньги, знаніе — богатство», «Знаніе есть сила» и многія другія. Всѣ подобныя темы удобно могли бы быть названы *отвлеченными* темами, куда войдутъ и моральныя. Непонятно, что хочетъ сказать авторъ, говоря, что искусственное изобрѣтеніе *обусловливается* моральными темами. Что значить здѣсь *обусловливается*? Что примѣненіе приѣмовъ искусственнаго изобрѣтенія къ моральнымъ темамъ возможно, это несомнѣнно; но также несомнѣнно, что моральныя темы возможно обработать и безъ этихъ приѣмовъ. Въ чемъ авторъ видитъ условіе въ данномъ случаѣ?

На стр. 83 «Искусственное изобрѣтеніе начинается съ уразумѣнія темы», кажется, что съ уразумѣнія темы вообще начинается *всякая* письменная работа. По поводу «уразумѣнія темы» авторъ говоритъ, что *не слѣдуетъ «формулировать»* тему (вѣроятно, выражать тему) такъ, чтобы ученикъ съ перваго взгляда *узрѣлъ ея сущность*» (вѣроятно понялъ ея смыслъ), но что «скорѣе *нужно* изыскивать *замысловатыя формы* (?)», «лишь бы только онѣ вмѣщали въ себѣ серьезное содержаніе, чѣмъ избѣгать ихъ». Съ этимъ нельзя согласиться. Если справедливо, что надо приучать учениковъ къ возможной ясности, простотѣ языка, отчетливости выраженія, то изысканіе какихъ-то «замысловатыхъ формъ» для выраженія темы является положительно неумѣстнымъ именно здѣсь. *Simplex est veri sigillum*; притомъ же совѣтъ автора и потому неудобень, что иной учитель начнетъ изыскивать «замысловатыя формы» для темы и заберется въ такую тему, что только учениковъ собьетъ съ толку. Впрочемъ и самъ г. Гавриловъ,

какъ увидимъ, страдаетъ стремленіемъ къ «замысловатости», что въ руководителѣ является неумѣстнымъ. Эта черта выражается въ вычурности и тяжеловатости языка, доказательства чего приведены ниже, а равно и въ выборѣ неудачно выраженныхъ темъ и свидѣтельствъ, которыя почему-то нравятся автору. Таковы темы: «Часть больше цѣлаго» (стр. 87); «Намъ святыя боги дали усладительный языкъ» (Жук.); «Блаженъ, кто знаетъ сладострастныя высокихъ мыслей и стиховъ» (Пушк.); «Предразсудокъ! Онъ обломокъ древней правды» (Бар.) (стр. 89) и многія другія. Авторъ точно нарочно у образцовыхъ авторовъ находитъ нѣчто необразцовое, но «замысловатое», и вносить въ книгу. Даже у народа онъ ухитряется изъ безчисленнаго запаса прекрасныхъ по мысли, изящныхъ по выраженію пословицъ, выбрать такія, что кромѣ «замысловатости» ничего не представляютъ. Напримѣръ, авторъ на стр. 92 приводитъ: «Авось не Богъ, а полбога есть» и повторяетъ эту пословицу въ другихъ мѣстахъ (напр. стр. 100: „авоська не Богъ“ и пр.); значитъ она ему нравится, а между тѣмъ, что такое *пол* или половина *Бога*? Какъ ни смотрѣть, странное выраженіе, да и мысль странная. Въ предъидущемъ изданіи почтенный авторъ также писалъ про *авоську*, причемъ приводилъ и такое выраженіе: *авоськины дѣтки не роженны...* Теперь онъ это выбросилъ, но и *полбога-авоську* надо бы выбросить.

На стр. 85 — 86 невѣрно истолковывается тема: „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“ (Пушкинъ). Разсматривая эту „замысловатую“ „сентенцію“ въ контекстѣ и ея связи съ личностью Пушкина, авторъ путемъ натяжекъ даетъ такой смыслъ приведеннымъ словамъ поэта; „Достойны презрѣнія люди праздные, которые, пользуясь неопытностью талантовъ, предназначаемыхъ для высшихъ цѣлей, изъ за одной собственной суетности заставляютъ оныя тратиться по пустякамъ“ (стр. 86). Не говоря о крайне запутанномъ выраженіи автора, толкованіе его положительно не вѣрно. Дѣло гораздо проще. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ богатъ парадоксами. Всѣмъ извѣстно стихотвореніе „Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь“... Онъ также говоритъ: «Тысячъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ». Къ подобнымъ же мнѣніямъ

принадлежить приведенная г. Гавриловымъ тема: «Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей». Подобныя мнѣнія едва ли удобны для темъ ученикамъ: парадоксы надо не развивать, а опровергать, но на это едва ли хватитъ ученической подготовки. Кто «жилъ и мыслилъ», т. е. кто знаетъ жизнь, самъ испыталъ ее, кто узналъ, сколько въ ней зла, какъ она пуста и какъ мелки и пошлы интересы, которыми она мотивируется; кто узналъ, какъ люди злы, несправедливы, мелочно-самолюбивы и пошлы, тотъ не можетъ *въ душѣ* (т. е. сохраняя декорумъ внѣшность уваженія — для свѣта, для массы, для толпы) не презирать людей». Такъ-ли это на дѣлѣ, дѣйствительно-ли такова *жизнь* и *таковы* люди для тѣхъ, кто *живетъ* и мыслить (разумѣется, разумно), другой вопросъ; но мысль Пушкина до очевидности ясна. Если же припомнимъ, что Пушкинъ былъ подь сильнымъ вліаніемъ байронизма, то приведенный парадоксъ о презрѣніи къ людямъ совершенно естественно объяснится именно этимъ явленіемъ. Да и по контексту, по связи съ идеей всего романа «Евгеній Онѣгинъ» другого толкованія разсматриваемому парадоксальному мнѣнію Пушкина нельзя дать.

На стр. 87 тема: «*часть больше чуждаго*» представляетъ собою нѣчто странное. Хотя усвояютъ это изреченіе Пяттаку, но лучше было бы его опустить, тѣмъ болѣе, что и изъясненія г. Гаврилова въ нѣшагъ не разъяснили этой темы, представляющей отрицаніе одной изъ математическихъ аксіомъ.

Тамъ же вырванный одиночно стихъ Жуковскаго «Намъ святые боги дали усладительный языкъ», представляется для упражненія учениковъ темою неудобною и неудачною. Г. Гавриловъ находитъ, что здѣсь надо изъяснить только слово «*усладительный*», но въ сущности все предложеніе до того неопредѣленно, что требуетъ особаго толкованія и можетъ быть развѣ по контексту изъяснено. «Намъ» — кому это? Всѣмъ людямъ? Но языкъ у каждаго народа *свой* и есть языки весьма не усладительные для насъ, но усладительные для тѣхъ, кто говоритъ на нихъ. «Дали» — здѣсь дается неправильное понятіе о происхожденіи языка. Положимъ, въ гимназіяхъ психологіи не читаютъ; но въ семинаріяхъ въ учебникѣ психологіи (г. Чистовича) есть

прекрасная статья о языкѣ, гдѣ ученикъ узнаеть, что языкъ *не дается*, а вырабатывается человѣкомъ и медленно совершенствуется. «Намъ святые боги дали» — въ сущности метафора, но основное понятіе въ ней не вѣрно. Во всякомъ случаѣ странно встрѣтить подобное предложеніе въ числѣ темъ; до того оно въ своемъ отрывочномъ видѣ неопредѣленно. Авторъ можетъ сказать, что по контексту подлинника смыслъ этого выраженія можетъ выясниться; но тогда придется допустить возможность дать въ видѣ темы ученикамъ на примѣръ взятый изъ катихизиса такой вопросъ: «*Почему сіе нужно?*». Хотя въ темѣ ученикъ блуждаетъ въ потьмахъ, но де по *контексту* смыслъ ея выяснится. Мы полагаемъ, что слѣдуетъ правиломъ поставить учителю — давать темы ясныя, точно и прямо выраженные, опредѣленные. На стр. 89, говоря «о возведеніи темы къ единству и *выразумленію* основнаго ея понятія», авторъ приводитъ тему: «Блаженъ кто знаетъ сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ». Не говоря о неудачномъ выраженіи этой темы, о чемъ сказано выше, мы не считаемъ ее удобною для ученическаго упражненія по внутреннему содержанію ея. Писать о «сладострастьи высокихъ мыслей и стиховъ» можетъ лишь тотъ, кто испыталъ это; а ученикъ что можетъ сказать здѣсь, кромѣ какихъ-нибудь общихъ фразъ, навѣянныхъ разъясненіями учителя? Предметъ здѣсь въ существѣ своемъ для ученика недоступенъ. Здѣсь же приводится тема, взятая изъ Баратынскаго: «Предразсудокъ! Онъ обломокъ древней правды». Мысль парадоксальная, выраженная притомъ поэтически и вычурно, для ученика маловразумительная, для темы неудобна. Что же касается ниже здѣсь же предложенной темы: «Время терпѣнью, время трудамъ, время ученью, время гульбамъ» (Кудряшева), то тема эта, приводимая авторомъ для показанія «единства темы въ разнообразіи формы», страдаетъ недостаткомъ *логичности*. Именно, здѣсь сопоставляются, какъ равныя: *терпѣнье, трудъ, ученье, гульбы*; между тѣмъ *терпѣнье* — качество, лица, *трудъ* и *ученье* — понятія не равныя (второе заключается въ первомъ), слѣдовательно не сопоставляемыя въ одномъ моментѣ дѣленія; *гульбы*, противопологаемая труду, ничего

общаго не имѣють съ *терпѣньемъ*. При этомъ дѣленіе темы страдаетъ очевидною *неполнотою*. Если здѣсь нашло себѣ мѣсто одно качество—*терпѣнье*, то почему не могутъ войти сюда и другія подобныя—*смиренье*, *настойчивость*, *умѣнье* и проч.? Наконецъ, что значить: «время терпѣнью?» Вообще тема эта такова, что если бы подобное сочетаніе понятій встрѣтилось въ тетради ученика, то учитель долженъ бы отмѣтить его, какъ неправильное. Почтенный авторъ ваходить, что въ основѣ приведенной темы лежитъ слѣдующая «тематическая мысль». «Естественное (?) препровожденіе времени состоитъ въ смѣнѣ трудовъ удовольствіями». Но мы полагаемъ, что мысль этой темы шире, ее можно выразить такъ: «Всему свое время»; по крайней мѣрѣ присутствіе въ темѣ *терпѣнья* не даетъ права ограничиваться толкованіемъ ея у г. Гаврилова.

На стр. 92, разсуждая о скупости («скупость—не глупость»), авторъ ставитъ вопросъ: «Въ какихъ случаяхъ *скупость* не унижаетъ человѣческаго достоинства». Самый вопросъ показываетъ, что авторъ не ясно представляетъ предметъ и не точно его понимаетъ. «Скупость» *всегда* унижаетъ человѣческое достоинство и допустить противное значило бы впасть въ *contradictio in adjecto*, значило бы усвоивать *злу* предикатъ *добра*. Авторъ, очевидно, въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ *скупость* съ бережливостью или расчетливостью. Въ поставленномъ вопросѣ автора та же фальшь, что въ выраженіи «*благородная гордость*». Въ обыденномъ языкѣ являются такія противорѣчашія сужденія, но вовсе не слѣдъ имъ являться тамъ, гдѣ требуется тонкое различеніе понятій, строгое соблюденіе логики, точность въ языкѣ. «Скупость—не глупость»—это житейская мораль, которая въ другомъ случаѣ не стѣсняется сказать: «Стыдъ не дымъ, глазъ не бѣсъ. Такія мнѣнія не могутъ служить источникомъ морали; обработка ихъ можетъ быть только отрицательная.

На стр. 92 тема: «Жизнь не есть высшее изъ благъ» (Шиллеръ), представляется для ученической обработки тоже совершенно неудобною. Въ самой темѣ есть фальшь: собственно говоря *жизнь* сама по себѣ, какъ чистое понятіе бытія, не есть ни благо, ни зло,—тѣмъ или другимъ

жизнь дѣлается по тому *содержанію*, какимъ наполняетъ ее человекъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что едали удобно для юношества и резонерствовать о жизни, доказывая, что она «не есть высшее изъ благъ»; теперь и такъ стали мало цѣнить жизнь и очень многіе смотрять на нее съ точки зрѣнія Зенона—стойка, который признавалъ бытіе и небытіе безразличнымъ и всегда готовъ былъ раздѣлаться съ нимъ, при первомъ неудобствѣ въ жизни.

На стр. 99, въ разработкѣ темы: «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ», развивая тему «отъ противнаго», авторъ пишетъ: «Даже и въ библии *вмѣстѣ съ проклятіемъ* возлагается на перваго человекъ трудъ въ потѣ лица. Трудящійся человекъ—рабъ, чернорабочій, волъ. Пословица *иначе* смотритъ на трудъ». Выходитъ, библия смотритъ на трудъ плохо, а пословица хорошо. Но это только автору такъ кажется, отъ недостаточнаго знанія библейскаго взгляда на трудъ. Первый человекъ по библии *трудился*, воздѣлывая рай и до паденія; грѣхъ привилъ къ труду тяжесть—то, что прежде природа легко и свободно давала человеку; теперь онъ долженъ добывать въ потѣ лица, путемъ усилій, утомительной работы. А чтобы «трудящійся человекъ» непременно былъ «рабъ» или «чернорабочій, волъ» это измышляетъ почтенный авторъ; библия же освящаетъ трудъ примѣрами Иисуса Христа, помогавшаго въ трудахъ Иосифу; примѣромъ апостоловъ, работавшихъ для своего пропитанія. «Пословица, говоритъ авторъ, *иначе* смотритъ на трудъ»; но приводимые имъ далѣе плоды труда и нравственное его значеніе составляютъ лишь слабый перифразъ того, что о трудѣ можно найти въ библии(*).

На стр. 104 ставится темой слѣдующее предложеніе Барамзина: «Онъ (Петровъ) любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество». Не знаешь, что и подумать о такой темѣ. Во всякомъ случаѣ ни по формѣ, ни по содержанію подобная тема не можетъ имѣть мѣста какъ предложеніе для ученическаго сочиненія. Единственное оправданіе автора развѣ въ томъ, что предло-

(*) Продолженіе обработки этой темы идетъ на стр. 145; но и опровергая ложныя мнѣнія, авторъ какъ бы тѣмъ болѣе ставитъ въ неудобное положеніе библейскій взглядъ на трудъ, совершенно безсознательно.

жение это принадлежит Карамзину. Но ученики не виноваты, что автор не умел выбирать лучшей темой и изобразователем писателя. В этом отношении автор обладает какою-то странною способностью: он избирает из авторов такие изречения, которые или по мысли парадоксальны, или по форме изящны. Например, на стр. 96 приводятся из Карамзина такие стихи: «Безумный звон отдасть из доброй воли спокойствие души» и прочее «Кто судьбу за сей кимвальный звон отдасть» — хуже, кажется, не сказал бы ни сам Тредьяковский. Таких мыслей в книге не много. На стр. 119 приводится из Жуковского такая рифма: «Читая, съидя, научить себя действовать в обществе с другими есть совершенствование». В статье о хриі (стр. 109) автор совершенно излишне дает формы переходов от противного к подобью, как примѣру въ свидетельству. Нельзя же представлять (учителей, для которых пишеть, г. Давриловъ, до того малосвѣдущими, неумными, что они не въ силахъ сами связать одной мысли съ другою. Самъ авторъ замѣчаетъ, что формы переходовъ могутъ быть „равнообразны“, а мы прибавимъ, и могутъ быть гораздо изящнѣе, красивѣе тѣхъ переходовъ“, какіе даетъ почтенный авторъ. Что касается примѣра хриі, который даетъ почтенный авторъ руководителъ въ своей книгѣ, то примѣръ этотъ нельзя признавать образцовымъ. Напрасно авторъ не обратился за примѣрами въ стариннымъ риторикамъ, если онъ действительно желалъ представить форму хриі образцовою формою для начинающихъ. Искусная соразмѣрность частей, важность и впечатлительность выраженія, изобрѣтательность въ доказательствахъ, строгая логичность въ мысляхъ, картинность въ образахъ, все это можно было видѣть и изучать на старинныхъ образцахъ хриі. Форма не мѣшала размаху сильной мысли и даже глубокому проявленію чувства; вспомнимъ знаменитое слово Иннокентія па великій пятомъ, въ видѣ хриі, на тему: „Давайте молиться и плакать“, эта глубоко-работательная, коротенькая рѣчь, действительно образцовая,

заклучая въ краткости полноту, въ простотѣ и ясности представленій — глубину мысли и чувства, можетъ служить доказательствомъ, что форма хрій не стѣсняетъ талантливую оратора. Такихъ образцовъ не мало было въ прежнихъ нашихъ риторикахъ и они оправдывали значеніе хрій. Указывая на художественные образцы, наставники вправѣ были говорить: учитесь писать, какъ пишутъ ораторы, талантливые и краснорѣчивые витіи, стремитесь подражать образцамъ!

„Примѣръ хрій“ г. Гаврилова не даетъ возможности мѣста для подражанія, въ немъ нѣтъ тѣхъ качествъ, которыми отличались старинныя хрій нашихъ талантливыхъ ораторовъ. Написанъ этотъ примѣръ многословно, водянисто, мѣстами напыщенно, по ученически; рѣчь автора, какъ и вездѣ, тяжела, не изящна. Употребленіе нѣкоторыхъ вычурныхъ фразъ и не вполне обдуманыхъ выраженій (напр. авторъ говоритъ о времени, «когда человекъ *слабаетъ*»! Встрѣчаются также обороты: «Мы быстро *окрыляемся надеждой*», «*задушное двустипіе*», и т. п.) указываетъ на необходимость ихъ исправленія. Сравненія автора не выдерживаютъ строгой критики (авторъ сравниваетъ «расточившаго свою молодость» съ мотомъ и не предусмотрительнымъ земледѣльцемъ, и находитъ между ними *совершенное* сходство, чего на дѣлѣ нѣтъ и нельзя допустить даже при легкомъ обсужденіи сравненія, которое умѣстно было бы развѣ въ ученическомъ опытѣ); примѣры его не убѣдительны; заключительное же двустипіе не вполне соответствуетъ темѣ и настолько не ясно, что требуетъ толкованія.

«Жаркимъ сердцемъ покоримся думамъ робкимъ» (Баратынскій). Что такое «думы робкія», которымъ должно покоряться горячее, молодое сердце? Заключеніе должно бы требовать, чтобы, цѣня время, дорожа молодостью, юноши руководились совѣтами благоразумія, слушались опытности руководителей и слѣдовали указаніямъ ясной, здоровой мысли о томъ, что составляетъ цѣль жизни и назначеніе человека. Авторъ же все сводитъ къ «думамъ робкимъ». Правда, на стр. 138, изъясняя это двустипіе, авторъ высказываетъ мысль, что «думы робкія» значать «умъ, дѣйствующій осторожно, на основаніи размышле-

нія", но это такъ угодно автору. Робкое — неустойчиво, неуверенно, не смѣло; шагъ робкаго не вѣренъ и „думами робкими“ руководиться нельзя. *Второй примѣръ* хрии автора, на тему: „Обращеніе съ книгою готовится въ обращенію съ людьми“. Уподобляясь ученикамъ, авторъ впадаетъ въ свойственныя имъ преувеличенія. Такъ онъ пишетъ: „сходство книгъ съ людьми простирается такъ далеко, что чтеніе можетъ совершенно *замѣнять общество*“. Это „совершенно“ напоминаетъ приемы ученика, который если возьмется хвалить что, то возвыситъ до небесъ; а если примется осуждать, то низведетъ предметъ въ ничто, не зная *мѣры*, присутствіе которой составляетъ признакъ выработанной мысли и такта писателя. И ниже авторъ говоритъ: «Безъ книгъ нельзя получить *никакого образованія*», опять преувеличеніе и фактическая невѣрность. Сказать бы *полнаго, совершеннаго образованія* — другое дѣло, но *никакого* — скажетъ только развѣ ученикъ. Здѣсь же: „обращеніе съ книгами и обращеніе съ людьми *одинаково необходимо и неизбѣжно*“. Опять невѣрность. Безъ людей жить нельзя, а безъ книгъ и теперь цѣлые миліоны живутъ, слѣдовательно и *одинаковой неизбѣжности* тутъ нельзя допустить. Что же касается до соображенія, что „бережливое отношеніе къ книгамъ пріучаетъ къ гуманному обращенію съ людьми“ (стр. 119), то оно очень наивно. Таково же и слѣдующее: „Привыкнувъ цѣнить книги не по внѣшности, (привыкаешь и въ людяхъ уважать ихъ *человѣческое достоинство*“). Здѣсь авторъ лаконически добавляетъ: „Примѣры изъ обиденной жизни“. На стр. 122—126 раскрывается тема: „Пища боговъ и земныхъ обитателей, по Иліадѣ и Одиссеѣ“. Тема эта представляется не цѣлесообразною. Ужели кромѣ *тѣды* не нашлось у Гомера ничего болѣе *человѣческаго, благороднаго, живаго* для темы? Г. Гавриловъ оправдываетъ эту тему соображеніемъ, что она можетъ служить „контролемъ прочитаннаго“. Но и здѣсь, какъ вездѣ, цѣль не оправдываетъ средства. Для той же цѣли можно бы выбрать тему болѣе благодарную, болѣе живую, болѣе интересную. Слѣ-

дуря же принципу автора, пожалуй, „для контроля прочитанного“ можно дать такую тему: „Сколько раз употреблена в Илиадѣ буква р“? Или „какія изъ буквъ алфавита наиболее часто встрѣчаются въ Одиссеѣ“? Конечно для этого нужно будетъ ученику тщательно прочесть всю Одиссею, но сколько въ этой работѣ образовательнаго элемента — другой вопросъ. Развѣ нельзя сосредоточить „контроль прочитаннаго“ на группировкѣ фактовъ дѣятельности, напр. Одиссея, причѣмъ указаны были бы качества лица и сама собою явилась бы его характеристика? Наконецъ можно бы избрать бытовые темы (въ эпопеяхъ Гомера для нихъ есть богатый матеріалъ), болѣе содержательныя и интересныя, могущія имѣть образовательное значеніе и ведущія къ умственной зрѣлости учениковъ, чего никакъ нельзя сказать о предложенной темѣ, представляющей чисто механическую работу. При этомъ въ разработкѣ темы встрѣчаются такія мѣста (стр. 123): „а) боги, б) земные обитатели: люди, животныя“. Любопытно знать, къ какой категоріи авторъ отнесъ коней, которые „писались амврозіей“? Къ „земнымъ обитателямъ“ ихъ отнести нельзя, остается причислить къ „богамъ“. У автора эти кони эти упоминаются подъ рубрикою „стола боговъ“.

На стр. 128. — 130 авторъ обрабатываетъ предложеніе о „яблокѣ“ (вм. яблово) зрѣлъ“ (ло). Здѣсь встрѣчается та-кой силлогизмъ: „Плодъ зрѣлъ, если его сокъ достигъ извѣстной пріятности; сокъ яблока достигъ извѣстной (?) пріятности: слѣдовательно (,) яблока (во) зрѣлъ“ (о). Едва ли на такихъ умозаключеніяхъ можно выучить учениковъ мыслить здраво, строго логически. Первое положеніе, очевидно, произвольно. „Плодъ“ можетъ быть вполне зрѣлъ, и не имѣть „пріятности“; это зависитъ отъ породы плода; едико растущія яблоки и при полномъ созрѣваніи бывають иногда до того кислы, что безъ привычки ихъ не всякій проглотить.

На стр. 137 не совсѣмъ удачно обрабатывается тема: „Трудъ и удовольствіе“. „Трудъ и удовольствіе, говоритъ авторъ, а равно и связь между ними, знакомы учащимся съ дѣтства; даже (?) и въ старшемъ возрастѣ ученики предпочитаютъ удовольствіе работѣ“. Между первою и

вторую мыслями приведенной рѣчи *иттѣ соответствія*. «Гдѣ же единство темы»? Спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ: «Оба понятія подчинены одному высшему понятію — занятію». Это не вѣрно. Трудъ вытекаетъ изъ потребности дѣятельности; но въ основѣ наслажденія вовсе не лежитъ безразличное стремленіе «быть чѣмъ-нибудь занятымъ», а — потребность испытывать пріятныя ощущенія въ физическомъ и моральномъ смыслѣ. Далѣе найденные авторомъ *признаки* труда и удовольствія группируются въ два отдѣла (ряда):

Трудъ:

Удовольствіе:

Суровъ и строгъ (?), горекъ; Нѣжить, сладостно, пріятно;

Средство къ чему либо, Само для себя служить даже къ удовольствію; цѣлью;

Занятіе въ собственномъ смыслѣ; Забава, наслажденіе;

Подчиненіе достигаемой цѣли(?); Эгоистическое наслажденіе настоящимъ;

Долгъ, неволя, нужда, Необходимость; Склонность, свободное избраніе.

Приведенная „группировка признаковъ“ данныхъ понятій страдаетъ многими недостатками. Она прежде всего *безцѣльна*, затѣмъ одинаково неудовлетворительна въ *логическомъ* и *реальномъ* отношеніяхъ. Въ логическомъ отношеніи перечень признаковъ явно *безпорядоченъ*; въ реальномъ страдаетъ неполнотою и односторонностію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ трудъ не можетъ быть *пріятенъ, легокъ, радостенъ*; развѣ „игра“ не можетъ быть „благимъ“ и „бремя — легкимъ“? Развѣ невозможенъ трудъ *по склонности, по свободному выбору*? Между тѣмъ авторъ усволяетъ труду лишь качества: „суровъ, строгъ, горекъ, тягостенъ“, а мотивами его выставляетъ „долгъ, неволю, нужду, необходимость“. Равнымъ образомъ и удовольствіе развѣ не бываетъ случайно, кратковременно; развѣ оно не имѣетъ свойствъ скоро надобдѣть и вызывать разочарованіе и т. д.? При этомъ совершенно не видно, почему авторъ ставитъ одинъ признакъ за другимъ, какой тонѣ дѣленія держится? Онъ просто ставитъ безъ разбора все,

что въ голову пришло по поводу труда и удовольствія, хотя имѣеть въ виду показать „между *оними* единство“.

— На стр. 137: „Понятія темы находятся въ винословномъ отношеніи, когда вопросъ *направленъ на то, что предшествовало мыслимому предмету, или на то, что слѣдовало за нимъ*; когда это предшествовавшее или послѣдовавшее относится къ мыслимому предмету, либо какъ причина, либо какъ слѣдствіе или дѣйствіе, либо какъ цѣль“. Это образецъ запутаннаго, неяснаго изложенія. И далѣе: „Мѣриломъ опасности (?) служить человекъ; *ишь, которой опасность противодѣйствуетъ (!?)* — благо человека“. Это пишется будто бы *въ разъясненіе* того, что „вреднымъ бываетъ что-либо не само по себѣ, а по отношенію къ чему-нибудь другому“ (стр. 138). Нельзя не подивиться искусству автора такъ *разъяснить* дѣло, что оно изъ понятнаго дѣлается неудобопостигаемымъ. Обращаетъ на себя вниманіе положеніе (стр. 139): „Эффекты, порождаемые мелочами, мелочами и ослабляются“. Это психологическій парадоксъ.

— На стр. 140 авторъ говоритъ, будто тема: Его же любить Господь, наказуетъ — „утверждаетъ, что *страдалицы* больше *достойны* любви Господней, чѣмъ не страдающій“. Мысль темы авторомъ понята не вѣрно.

— На стр. 141 тема: „какими средствами ты будешь отражать *враговъ*, которые *угрожаютъ* (!) тебѣ по выходѣ изъ школы въ жизнь“? представляется неудобною. Не видно, о какихъ *врагахъ* идетъ рѣчь; но едвали педагогично вносить въ педагогическій міръ вопросъ о борьбѣ, о враждѣ въ жизни, объ антагонизмѣ общественныхъ силъ.

— Тема же: Какое значеніе имѣютъ *уроки исторіи* для учащихся? плохо выражена. „Уроки исторіи“ выраженіе обоюдное; можно понимать ихъ въ смыслѣ уроковъ, выдаваемыхъ учителемъ исторіи ученикамъ для усвоенія; можно понимать въ смыслѣ уроковъ, извлекаемыхъ изъ хода исторіи размышленіемъ („исторія судитъ мертвыхъ и даетъ *уроки* живымъ“).

— На стр. 141, говоря „о высочайшемъ благѣ“ и „благосостояніи“, авторъ прибавляетъ: „Чтеніе Цицерона, Жуковскаго, Карамзина, даетъ дальнѣйшее разъясненіе этихъ

понятій“. Не мѣшало бы указать на слово Божіе, идѣя блага достигаетъ полнаго развитія, своего идеала. На стр. 143: „Безпрестанное уединеніе есть путь въ ничтожеству“. Оказано слишкомъ много. Для праведниковъ безпрестанное уединеніе служило путемъ къ нравственному совершенству. Стр. 146: „Слѣдствія ненарушимаго благополучія: эгоизмъ, забвеніе религіозныхъ обязанностей, лѣнь и праздность, безчувственность и жестокость, холодность въ несчастіямъ другихъ, упрямство, высокомеріе“. Нельзя конечно отвергать возможность подобныхъ явленій при ненарушимомъ благополучіи; но усвоить ихъ, какъ необходимые предикаты, категорически, ненарушиму благополучію, было бы преувеличеніемъ. Возможны здѣсь явленія совершенно противныя изчисленнымъ; затѣмъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ явленій не имѣютъ видимой связи съ предполагаемой причиною ихъ, что напръ общаго имѣтъ „ненарушимое благополучіе“ съ „упрямствомъ“. Стр. 150—153) составляетъ желать многого. Собственно вопросъ не выясненъ и не разрѣшенъ; все дѣло ограничивается общими разсужденіями, а примѣръ, предлагаемый авторомъ для образца, какъ пользоваться чтеніемъ, нельзя назвать удачнымъ. Авторъ беретъ „Разговоръ о счастья“ — Карамзина, и дабы показать, чѣмъ и какъ можно воспользоваться чтеніемъ его при обработкѣ темы о счастья. Авторъ указываетъ, что долженъ ученикъ „отмѣтить“, но не видно, что значитъ „отмѣтить“. Судя по „буквально приведенному отрывку, это значитъ „выписать“, но едва ли такое пользованіе чтеніемъ можно признать цѣлесообразнымъ и педагогическимъ. Далѣе не видно, на какомъ основаніи долженъ ученикъ „отмѣтить“ известное мѣсто. Наконецъ и самыя мѣста, назначенныя для отмѣтки, выбраны неудачно. Это или неудачныя сравненія („сердце есть *младенецъ*“ и проч.), или напыщенныя, торжественныя описанія („Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ“ и проч.); или, наконецъ, мнѣнія парадоксальныя, каковы: въ Корытолюбіе (*sic*) *хорошо* (!) въ своемъ источникѣ (?), когда оно есть не что иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, то-

вѣдущихъ запасъ въ вѣмъ вѣе время“ (какое же здѣсь „ко-
рыстолюбіе“?) и т. п. под. Этимъ неудачнымъ примѣромъ,
да общимъ разсужденіемъ въ вѣ 17 островъ, въ сущности ни-
чего въ себѣ не заключающимъ, ограничивается новое об-
сужденіе одного изъ весьма важныхъ вопросовъ въ дѣлѣ
руководства ученическими упражненіями. *Эпиграфъ* „Умно-
-о Тораздо, удачнѣе примѣръ, въ пользованіи ятеніемъ при об-
работкѣ вѣ сочиненія данъ на стр. 165—168, на тему „о со-
страданіи; но здѣсь мы встрѣчаемъ одну странность: ав-
торъ въ чтеніе „идущаго къ дѣлу отрывка“ называетъ *ме-
тодомъ*, наравнѣ съ дедуктивнымъ и индуктивнымъ спо-
собами. „При помощи *трехъ* указанныхъ выше, говоритъ
авторъ, *методовъ*, въ изобрѣтеніи *редуктивнаго, индуктивна-
наго и чтенія идущаго къ дѣлу отрывка*, мы приходимъ
и проч. (стр. 168). Чтеніе можетъ быть приемомъ, но ни-
какъ не методомъ. *Иногда* „изъясненіе, которое не выводится
отъ Обработка темы (на стр. 168—172) „что такое смѣш-
ное (комическое)“ „представляетъ нѣчто странное. Въ сущ-
ности тема вовсе не рѣшена; авторъ говорилъ много, но
сказалъ мало; принимался за тему по разнымъ приемамъ,
но къ опредѣленному результату не пришелъ. Высказан-
ныя же имъ по поводу темы мысли не представляютъ
чего либо связнаго, но представляютъ рядъ отрывоч-
ныхъ, а иногда парадоксальныхъ афоризмовъ, не только
неспособныхъ, въ связи съ темою, но и азатемняющихъ ее
противорѣчіями. Здѣсь встрѣчаются такіе мысли: „Смѣш-
нымъ называется то, что *криводитъ* *наши доухъ* *въ
возбужденное, состояніе*, и следовательно нарушаетъ *его
обыкновенное, спокойное состояніе*“ и Авторъ отсюда дѣ-
лаетъ выводъ, что комическое есть нѣчто необыкновенное,
и дѣлаетъ его отличіемъ отъ высокаго. Но это такъ угодно
автору. На самомъ дѣлѣ данное имъ опредѣленіе смѣш-
наго неудовлетворительно. Всякое страданіе, все ужасное
«приводитъ насъ въ возбужденное состояніе, и на-
рушаетъ него обыкновенное состояніе», и говоря словами
автора, следовательно, и есть смѣшное. Далѣе авторъ пи-
шетъ: «Смѣшнымъ надъ тѣмъ, что ниже обыкновеннаго.
Следовательно, всякій вздоръ, и нелѣпость» (стр. 169). Не
говоря (б) странной формѣ выраженія, съ первою мыслию
нельзя согласиться ни по ее трудности и понятъ. Также нельзя
признать вѣрною и ту мысль автора, что комическій смѣхъ

наивный, безавѣтный, не щекоцущій (sic) ни сердца, ни разсуда». Это опредѣленіе противорѣчитъ самой идеѣ комизма. Далѣе авторъ въ несвязныхъ, отрывочныхъ фразахъ и словахъ пытается рѣшить данный вопросъ индуктивнымъ методомъ, причемъ ссылается къ чему-то на Гогартовыхъ странствующихъ комедіантовъ, сушащихъ чулки на юблкахъ. «Что здѣсь почтенный авторъ нашель не только комическаго, но просто смѣшнаго, совершенно непонятно.

Вопросъ: «почему смѣется только одинъ человекъ? представляеть нѣчто ясное, для темы неудобное; и здѣсь (стр. 171) авторъ повторяеть, что комическое есть нѣчто «возбуждающее въ насъ *безавѣтный, безцѣльный смѣхъ*», что положительно не вѣрно. Последнее заключеніе: «Комическое стало быть есть контрастъ» (!?), окончательно покрываетъ тему туманомъ.

Что касается «таблицы категорій», въ предъидущемъ изданіи помѣщенной въ примѣчаніяхъ, а нынѣ занимающей двѣхъ шесть страницъ (173—179), то эта работа кажется положительно бесполезною, ни для учителя, ни для учениковъ ни на что неудобною. Авторъ назначаетъ ее «для справокъ», но говоритъ, что «ученики должны освоитьсѣ съ нею подъ руководствомъ учителя»; мы полагаемъ, что она отобьетъ лишь охоту у тѣхъ и другихъ обращаться къ этой статьѣ за справками. Чтобы видѣть непригодность этой таблицы, ея произвольность и отсутствіе въ ней яснаго, логическаго построенія и последовательности, довольно привести эти категоріи въ первомъ ихъ исчисленіи у автора на стр. 173 и 174. Вотъ онѣ: 1) опредѣленіе, 2) родъ, 3) видъ, 4) частное, 5) цѣлое, 6) части, 7) *conjuncta*, 8) *adjacentia*, 9) *actus*, 10) *subjectum*, 11) *causa efficiens*, 12) *causa finalis*, 13) *effectum*, 14) *destinatum*, 15) мѣсто, 16) время, 17) *complexa*, 18) *contingentia*, 19) *propinriata*, 20) имя, 21) *comparata*, 22) *similia*, 23) противоположное, 24) *disparata*. Эти 24 категоріи, перечисленныя безъ всякаго логическаго основанія, дробятся во множествѣ подраздѣленій, дроблевій, видовъ и представляютъ непроходимый дѣсь терминовъ, безвыходный лабиринтъ понятій, не могущій ни мало помочь выработкѣ яснаго и отчетливаго сужденія въ учащихсѣ;

таблица категорій составлена по Агриколѣ; но была бы охота, такихъ таблицъ не мало можно найти и извлечь изъ эпохи средневѣковой схоластики, даже похитрѣе (напр. Ars magna Р. Луллія). Но для чего могутъ служить подобныя вещи? Во всякомъ случаѣ въ семинаріяхъ онѣ не нужны.

Въ главѣ о «единствѣ и цѣлости сочиненія», на стр. 181 встрѣчается такая мысль: «Ученики, *неспособные къ творчеству*, никогда не поймутъ закона цѣлости, но они не должны быть принимаемы въ расчетъ». Но кто же изъ учениковъ «способенъ къ творчеству»? Даровитыя и талантливыя природы рѣдки, и можно-ли ихъ брать мѣркою для занятій, не обращая вниманія на массу? Что значитъ быть «неспособнымъ къ творчеству»? И почему нельзя понять вещи, когда она можетъ быть разсматриваема, какъ объективный фактъ (въ живыхъ явленіяхъ), можетъ быть разъяснена, показана? Наконецъ, какъ связать высказанную авторомъ мысль съ предъидущею, гдѣ онъ требуетъ выяснять этотъ законъ (цѣлости) *нагляднымъ образомъ*, при *каждомъ* удобномъ (?) случаѣ? Такъ какъ «неспособныхъ къ творчеству» (?) найдется больше «способныхъ», то массѣ учениковъ при «каждомъ» такомъ случаѣ придется слушать то, чего они, по словамъ автора, *никогда не поймутъ*. Все это представляется непонятнымъ.

Статья: «Законъ постепеннаго движенія мыслей въ сочиненіи» (gradatio) (стр. 200—214) представляетъ много промаховъ и недостатковъ, какъ въ отношеніи языка вообще тяжелого, мѣстами запутаннаго, часто неточнаго и вычурнаго, такъ и въ отношеніи мыслей, иногда невѣрныхъ, мѣстами парадоксальныхъ.

Прежде всего, напрасно авторъ озаглавилъ эту статью «законъ» и проч. Въ сущности никакого закона авторъ не представляетъ въ своемъ изслѣдованіи. Онъ говоритъ нѣчто о планѣ, объ условіяхъ развитія мыслей въ сочиненіи, указываетъ нѣкоторыя общеизвѣстныя *правила* для этой цѣли и только; напрасно читатель сталъ-бы искать въ этой главѣ что-либо похожее на «законъ».

Въ изложеніи автора столько неточностей, что иногда трудно уловить даже его мысль. Такъ въ началѣ статьи онъ говоритъ, что „изложеніе“ имѣетъ цѣлю „читателя“,

слѣдовательно ставить субъективный принципъ; черезъ страницу же (стр. 202) читаемъ такой выводъ: „Такимъ образомъ движеніе мыслей въ сочиненіи *разнообразится* (sic) соотвѣтственно свойству мыслимаго предмета (это чисто объективная точка зрѣнія). Правила движенія (?) по этому не могутъ быть *точны*, но тѣмъ не менѣе можно дать ученику полезныя наставленія“. И такъ здѣсь уже другая точка зрѣнія. При этомъ замѣчательно, что правила развитія мыслей въ сочиненіи не могутъ быть *точны*, по признанію автора; тогда что же такое „законъ движенія мыслей“, въ чемъ онъ состоитъ?

На стр. 209 говорится: „Доказательства должны быть размѣщаемы по требованію того же закона „постепеннаго движенія“, каждое изъ нихъ помѣщается *тамъ, гдѣ* оно имѣетъ наибольшее значеніе, *гдѣ* оно всего лучше содѣйствуетъ цѣлямъ и назначенію цѣлаго“ (?). Спрашивается, гдѣ же именно? Какимъ цѣлямъ? О какомъ значеніи идетъ рѣчь? Чѣмъ руководиться въ отысканіи этого „*тамъ, гдѣ*“ и проч.? Не сводится ли все сказанное къ общей фразѣ: доказательства должны стоять *тамъ, гдѣ* имъ слѣдуетъ стоять? Это ли авторъ называетъ „закономъ“?

Далѣе авторъ продолжаетъ: „На счетъ примѣненія закона восхожденія къ подробностямъ (sic), т. е. къ размѣщенію предложеній и направленію движенія (чего), *тоже* нельзя указать *точныхъ правилъ* (и это „законъ“ движенія мыслей!) Нельзя безусловно утверждать даже и того, что восхожденіе въ *порядкѣ* (?) *предложеній* должны держаться *прямаго направленія впередъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Напротивъ часто случается (sic), что *уклоненіе и повороты назадъ* (sic) *требуются* (курсивъ въ подлинникѣ) самимъ предметомъ и удобствами читателя“ (стр. 209). Что можно вынести изъ подобныхъ „правилъ“? Да заслуживаютъ ли такія разсужденія названія даже „правиль“, не говоря уже о „законѣ“? Нельзя утверждать того, что въ развитіи мыслей надо идти впередъ; случается-де надо ходить околицами, дѣлать уклоненія“ и даже „повороты назадъ“, подобныя „правила“ не только ничего не разъясняютъ, но затемняютъ дѣло и переносятъ его въ широкую область разныхъ „возможностей“, кото-

рия лишаютъ автора возможности сказать что-нибудь опредѣленное.

Въ началѣ разсматриваемой статьи авторъ говоритъ, что „расположеніе и самое изложеніе“ мыслей въ виду читателя“. При этомъ авторъ предполагаетъ (неизвѣстно на какомъ основаніи), что „читатель имѣетъ необходимыя для того подготовительныя свѣдѣнія, но не можетъ самъ развить главной тематической мысли и долженъ быть доведенъ до цѣли“ (стр. 200). Ученикъ „берется за перо“, чтобы довести читателя до этой цѣли, приемъ, по словамъ автора, „не долженъ прекращать своей работы“ (!) до тѣхъ поръ, пока цѣль (убѣдить читателей) не будетъ достигнута“. Такимъ образомъ, если иной ученикъ не съумѣетъ „довести читателя до цѣли“, то долженъ будетъ „не прекращая работы“, затянуть ее въ безконечность. Нельзя согласиться со взглядомъ автора. Ученикъ учится, а не учитъ. Въ изложеніи главная задача и цѣль — правильное, логическое раскрытіе предмета, достаточно сильная его аргументація, отчетливое выясненіе и рѣшеніе даннаго вопроса. Не далѣе.

Стоя на субъективной точкѣ зрѣнія, авторъ ниже говоритъ, что „главный планъ сочиненія, быть можетъ, вполне соответствующій внутренней діалектикѣ мыслимаго предмета, по неудобству (?) читателя при воспріятіи (!), долженъ быть передѣланъ“, именно въ цѣляхъ сдѣлать предметъ для читателя доступнѣе. Но и съ этимъ нельзя согласиться. Если планъ логически вѣренъ и, говоря словами автора, вполне соответствуетъ внутренней діалектикѣ мыслимаго предмета“, то *eo ipso* онъ и наиболѣе пригоденъ для читателя. Строгость логическаго плана ни малю не противорѣчитъ законамъ воспріятія. Въ изложеніи автора представляется неяснымъ, что такое онъ разумѣетъ подъ нѣскольکو своеобразнымъ выраженіемъ „по неудобству читателя при воспріятіи“. Чаще всего это „неудобство читателя при воспріятіи“ (говоримъ словами автора), обусловливается степенью его подготовки, развитости; но эта степень такъ бываетъ разнообразна и обусловливается такими случайностями, что едвали возможно и резонно принимать ее за основаніе при обработкѣ сочиненія и обращаться съ нею, особенно же въ ущербъ логикѣ.

На стр. 204, авторъ въ примѣрѣ „изъясненія“ приводитъ нѣкоторыя соображенія относительно истины. „Истина сама въ себѣ формальна“ (стр. 205). Это опредѣленіе вѣрно въ логическомъ опредѣленіи истины, но въ себѣ истина вмѣстѣ реальна, это необходимо. Логическая схема (формальная) положенія еще не ручается за объективную истинность всего. Ниже: „Другъ истины, говоритъ далѣе писатель (?), всегда заботится только о согласіи своихъ сужденій (съ дѣмъ?), а не о *качествѣ ихъ содержанія*, и дѣмъ оны существенно отличается отъ софиста“. Подобнаго рода взгляды могутъ лишь вести къ тому индиферентизму относительно истины, который прекрасно выразилъ поэтъ, сказавъ о современномъ героѣ, что „Вѣрить, не вѣрить — ему все равно, лишь бы доказано было умно“. „Друзьями“ истины такихъ людей едва ли можно называть.

На стр. 207 встречается такое мѣсто: „зрѣніе, слухъ и остальные чувства, хотя они между собою различны, *улаждаются одинаковымъ способомъ*“. Это положеніе и психологически и фізіологически не вѣрно. Если даже принять одинаковость впечатлѣній (безъ нихъ невозможно никакое „наслажденіе“ въ чувствѣ) въ смыслѣ общаго дѣйствія нервной системы, то и тогда нельзя согласиться съ авторомъ, ибо дѣятельность периферическихъ органовъ каждаго изъ «внѣшнихъ чувствъ» во всякомъ случаѣ своеобразна, не одинакова. Положеніе это авторъ приводитъ какъ примѣръ будто «бы по Цицерону».

На стр. 210 (примѣч.) авторъ говоритъ: „Не смотря на *невозможность* установить точныя правила (въ области „постепеннаго движенія мыслей“, признаваемаго авторомъ „закономъ“), опытъ (слѣдовательно, чисто эмпирическое условіе) *даетъ* нѣкоторыя указанія, *пособляющія* выполненію общихъ требованій закона постепеннаго движенія (чего?); выборъ и „примѣненіе“ этихъ указаній *долженъ* зависѣть отъ личнаго *благоразумія*“. Авторъ, очевидно, съ понятіемъ о „законѣ“ соединяетъ своеобразное представленіе. Обыкновенно въ понятіе закона прежде всего входитъ необходимость преемства и послѣдованія явленій, отсюда точность, опредѣленность, неизмѣнность, при каждомъ данномъ условіи, частныхъ формулъ закона.

Таковы законы природы, таковы законы логики. Но авторъ признаетъ „закономъ“ то, что „не даетъ возможности установить точныя правила“, что „руководится опытомъ“ и наконецъ, что „зависитъ отъ личнаго благоразумія“. Ниже здѣсь же авторъ даетъ „указанія“ въ руководство «личному благоразумію» учителей, для примѣненія «закона постепеннаго движенія мыслей» въ сочиненіяхъ. «Указанія» эти представляютъ какое-то *mixtum compositum*, лишнее общаго основанія для дѣленія, и планы въ расположеніи разныхъ понятій. Кратко смыслъ этихъ указаній можно выразить такъ: «слѣдуетъ въ сочиненіяхъ переходить отъ одной мысли къ другой, отъ разныхъ предметовъ и явленій — къ разнымъ предметамъ и явленіямъ». Въ общаго принципа (а его нѣтъ въ указаніяхъ) всѣ подобныя совѣты и указанія не имѣютъ ровно никакого значенія. Чтобы видѣть наглядную произвольность «указаній» автора, достаточно бѣглаго ихъ обзора. Между прочимъ отъ здѣсь встрѣчаются совѣты переходить: «отъ незначительнаго (?) къ значительному и (sic) важному, отъ малаго къ великому и *наоборотъ*»; «отъ дарованій (!) къ ихъ развитію» (?!), «отъ темнаго къ ясному и *наоборотъ*» (постоянно встрѣчается «и *наоборотъ*»); «мы приступаемъ, пишетъ авторъ, къ дѣлу оцупью (sic), пытаемся, потомъ идемъ твердою поступью, увѣренно»; «отъ ожидаемаго (sic) переходимъ къ неожиданному (?), отъ обыкновеннаго (?) къ необыкновенному» и т. д., отъ всего ко всему переходимъ, это называется «указаніемъ для личнаго благоразумія учителя».

Изложеніе о *приступѣ* почтенный авторъ начинаетъ совершенно безцѣльною полемикой съ противниками «приступовъ». Здѣсь, между прочимъ, на стр. 215 авторъ употребляетъ такое сравненіе: «Если сравнивать сочиненіе съ зданіемъ, то *приступъ въ сочиненіи тоже, что въ зданіи фундаментъ*, который залагается прежде зданія и на которомъ зданіе зиждется». Сравненіе неудачное и невѣрное. Если автору понадобилось уже сравненіе, то скорѣе *приступъ* можно сравнить съ входомъ, или фронтономъ зданія, но ни какъ не съ основаніемъ его; невѣрный *приступъ* опора сочиненія. Фундаменту соотвѣтствуетъ ус-

тановленіе основныхъ понятій, точекъ зрѣнія въ сочиненіи и расположеніе ихъ по плану.

Въ главѣ объ «исправленіи сочиненій» нельзя согласиться съ слѣдующею мыслію автора (стр. 227): «Если окажется, что работа сдѣлана безъ всякаго плана, сочиненіе написано, что называется, наобумъ, оно должно быть просто на просто перечеркнуто, а написавшій — подвергнуть передъ классомъ достойному воздаянію». Авторъ не говоритъ, въ чемъ состоитъ это «достойное воздаяніе»; но отношеніе его къ дѣлу не педагогично. Кажется, въ подобныхъ приводимому случаяхъ слѣдуетъ прежде всего *разяснить причину* неудачнаго выполненія заданной работы. «Просто на просто перечеркнуть» и задать при этомъ хорошую «головомойку» ученику не трудно; но другой вопросъ, что отсюда выйdetъ. Можетъ статься, что ученикъ почему-либо или не понималъ темы, или понималъ ее невѣрно, или недостаточно подготовленъ къ выполненію заданной работы, мало-ли можетъ быть причинъ, при которыхъ «просто на просто перекрестить» сочиненіе было бы несправедливымъ. Въ приѣмѣ этомъ видна нѣкоторая несдержанность, уже и потому его нельзя одобрить. Ученикъ выполнилъ плохо работу, онъ получаетъ плохую отмѣтку; но пачкать тетрадь нѣтъ основаній; если въ сочиненіи нѣтъ плана, надо показать его необходимость; сочиненіе плохо, надо показать, чѣмъ плохо. Только при такомъ уважительномъ отношеніи къ умственному труду ученикъ полюбитъ его и научится его уважать. Далѣе авторъ рекомендуетъ *подчеркиваніе* ошибочныхъ мѣстъ (стр. 227), но этотъ приѣмъ тоже нельзя одобрить, какъ незаключающій побужденій для ученика (исправиться далѣе).

Наконецъ должно указать на нѣкоторые промахи и недостатки, встрѣчающіеся въ *расположеніи темъ*, приведенныхъ авторомъ, какъ образецъ для учителей.

Главный и весьма видный недостатокъ обработки темъ г. Гаврилова — это *неправильность и расположенія ихъ, недостатокъ логики*. Вотъ факты.

На стр. 183 приводится образцовое расположеніе темы «знаніе — сила». Авторъ перечисляетъ три причины: знаніе доставляетъ: а) независимость, б) вліятельность и зна-

ченіе и с) стремленіямъ чловѣка — производительность. Спрашивается, гдѣ логическое основаніе этого расположе- нія? Все ли стороны предмета это дѣленіе исчерпываетъ? Но далѣе авторъ предлагаетъ такое «divisio», какъ онъ выражается: «знаніе доставляетъ своему обладателю: а) независимость, б) вліятельность, в) стремленія».

1. Знаніе языковъ и 1. Книгопечатаніе. Въ области облегчаетъ путешествія и увеличива- ствія и увеличиваетъ переписчиками. сокращеніе раз- вааетъ пользу онаго. стояній (каналы, жел. дороги, на- роходы).

2. Знаніе наукъ и 2. Образованный. Въ области по- исторія, од правовѣ- надъ необразован- ныхъ, междуна- дѣніе. надъ необразован- нымъ. Европа вла- ственныя сношенія(?). ствуетъ надъ ос- тальнымъ міромъ.

3. Въ области нрав- ственной: смягче- ніе нравовъ; гу- маннныя отношенія между людьми.

Итакъ, «независимость», сообщаемая знаніемъ, огра- ничивается путешествіемъ и двумя науками — исторіей и правовѣдѣніемъ; что хотѣлъ сказать авторъ, этимъ сопо- ставленіемъ непонятно. По обыченному понятію, не- зависимъ тотъ, кто свободенъ; свобода же бываетъ внѣш- ная (по юридическому положенію, по богатству) и внут- ренняя («истина свободитъ вы» и.), — ни той, ни другой авторъ не касается.

(Окончаніе въ слѣд. н.)

П. ИЗВѢСТІЯ.

а) Пожертвованія.

По духовнымъ завѣщаніямъ: 1) дочь поручика изъ дворянъ дѣвица *Елисавета Никол. Шишкина*, избравъ своимъ душеприкащикомъ коллеж. секретаря Николая Анан. Давыдова, живущаго въ п. Туль, поручила ему непремѣнно исполнить послѣ нея смерти; между прочимъ, слѣдующее: въ нижеписанныхъ церквахъ, алѣксин. уѣзда каждую недѣлю служить заупокойныя обѣдни по одному разу, а въ прочіе дни во время служенія обѣдни поминать на проскомидіи, за что причтъ долженъ получать проценты съ положенныхъ суммъ, а именно: а) въ приходѣ ц. Дмитрія Селунскаго, что на р. Вашанѣ, гдѣ положенъ билетъ сушкин. банка въ 800 р. и сверхъ того изъ серебр. парчариза въ 80 р., служить за упокойную обѣдню по пятницамъ; б) въ ц. Спаса Преображенія, что въ с. Спасъ-Конинѣ, гдѣ положенъ билетъ того же банка въ 800 р. и парчевая риза въ 60 р., за упокойную обѣдню служить по средамъ и в) для ц. св. Троицы, что въ с. Афанасьевѣ, сдѣлать парчевую ризу въ 60 р. Если какія изъ этихъ церквей упразднятся, то вклады перевести въ ближайшія церкви, которыя должны исполнять тоже самое, и 2) — бѣлев. мѣщанка *Евдокія Иван. Сахарова*, между прочимъ принадлежащей ей двухъ-этаж. деревян. домъ, находящійся въ г. Бѣлевѣ съ кусадеб. мѣстомъ и всю безъ исключенія имѣющую послѣ нея остаться движимость предоставляет въ неограниченную собственность родной своей дочери — женѣ дьячка бѣлев. Владимірской ц. Аннѣ Терент. Успенской, съ обязательствомъ, чтобы она сдѣлала вклады въ бѣлев. город. общ. банкъ 50 р. сер. изъ процентовъ, которые должны поступать въ пользу священно-церковно-служителей бѣлев. Владимірской ц. за вѣчное поминовение ее души, и билетъ долженъ храниться въ церкви и наконецъ, послѣ нея смерти въ тоже время сдѣлала бы во Владимірскую ц. на икону Николая Чудотворца, что на правой сторонѣ въ теплой ц. ризу мѣдную высеребрянную.

—Исправ. должность благочиннаго епифанскихъ град. церквей протоіерей Д. Модестовъ донесъ, что собранныя по церквамъ г. Епифани деньги кружкою въ пользу сербовъ и другихъ славянъ, угнетаемыхъ турками, — всего 28 р., отосланы имъ въ С. Петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета.

— Помощникъ благочиннаго 1-го бѣлев. округа священ. Николай Преображенскій донесъ, что отъ прихожанъ с. Погорѣлаго съ конца истекшаго 1876 г. по 1-е февраля текущаго 1877 г. поступило тарелочнаго сбора и принесено къ нему въ домъ пожертвованій въ пользу славянъ, пострадавшихъ отъ турецкихъ жестокостей, на сумму 30 р. Въ томъ числѣ деньгами 10 р. и вещами на 20 р., какъ то: 66 арш. холста, 14 ф. стараго бѣлья, 4 шерстяныхъ платка, 2 жен. ситц. платья, 2 муж. сорочки, 3 полотенца, 1 простыня, 4 бумаж. платка, 3 пары чулокъ и 1 дѣт. платье. Деньги отосланы имъ въ с.-петербургскій отдѣлъ славянскаго комитета, а тюкъ съ вещами въ московскій славянскій комитетъ.

— Благочинный бѣлев. округа свящ. Василій Знаменскій донесъ, что въ четырехъ селахъ его вѣдомства, священниками оныхъ, по подписнымъ листамъ въ пользу православныхъ славянскихъ семействъ, пострадавшихъ отъ турокъ, собраны деньги и холстины, а именно: въ с. Пронинѣ 23 р. 10 коп. и 45 арш. холстины, въ с. Сныховѣ 16 р. 20 к. и 501 $\frac{1}{2}$ арш. холстины, (изъ коихъ крест. женщинами с. Сныхова — 126 арш., одна рубашка и 2 $\frac{1}{2}$ мота нитокъ, сельца Кондратова — 160 арш., сельца Иванова и сельца Зенова — 104 арш. и три полотенца, и деревень Салькова и Скагошки — 111 $\frac{1}{2}$ арш. и двѣ рубашки), въ с. Сухочевѣ 3 р. и въ с. Хализовѣ 2 р., а всего въ этихъ селахъ на бѣдствующихъ славянъ собрано денегъ 44 р. и 30 к. и 546 $\frac{1}{2}$ арш. холстины. Каковой матеріаль и деньги, за вычетомъ изъ оныхъ почтовыхъ расходовъ за пересылку денегъ и холстины 13 р. 47 к., — отосланы имъ, Знаменскимъ, въ с.-петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета.

б) Разныя извѣстія по епархіи.

Умерли: 1) благочинные: а) г. Алексина соборный протоіерей *Іоаннъ Щеловъ* и б) г. Епифани Успенской ц. свящ. *Василій Сергѣевъ*, 2) священники: а) крапивен. у. с. Жердева *Іоаннъ Никольскій* и б) венев. у. с. Симакова *Александръ Щетилловъ*, 3) бѣлев. Спасопреображенскаго монастыря іеромонахъ *Иннокентій* и 4) тул. Богородичнаго—общезительнаго монастыря послушникъ *Іванъ Котяковъ*.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, согласно прошенію г. епифанскаго воинскаго начальника—причислена мѣстная воинская команда для исправленія для нея духов. требъ къ приходу Преображенской ц. и утверждень законоучителемъ для сей команды свящ. *Димитрій Мерцаловъ*.

— По резолюціямъ Его Высокопреосвященства, утверждены церковными старостами: 1) къ Вознесенской ц. с. Коштева тул. у. кр. *Назаръ Порамоновъ*, 2) къ Александроневской ц. с. Малаго Скуратова черн. у.—надворный софѣтникъ князь *Викторъ Васил. Кукушевъ* и 3) къ Николаевской ц. с. Юрцова кашир. у. ваз. кр. *Андрей Никифоровъ*.

— По резолюціямъ Его Высокопреосвященства, поручено исправленіе благочинническихъ должностей: 1) по г. Епифани, впредь до окончательнаго распоряженія по сему предмету—протоіерею *Димитрію Модестову* и 2) по г. Алексину—впредь до усмотрѣнія священнику Предтеченской ц. *Іоанну Лаврову*.

— По опредѣленіямъ консисторіи, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, опредѣлены въ число послушницъ бѣлев. Крестовоздвиженскаго монастыря двѣицы—дочери: 1) чернская купеческая—*Екатерина Лукина Окорокова*, 2) мценская мѣщан.—*Анна Яновлева Шерстова*, 3) крестьянская дер. Чапкиной тул. у.—*Татьяна Михайлова*, 4) ливенская мѣщан.—*Авдотья Александр. Кретова* и 5)—изъ дворянъ—*Софья Гаврил. Коробова*.

— Согласно опредѣленіямъ Св. Синода, отъ 23 іюня (12 іюля) и 21 іюля (3 августа) 1876 г. назначены пенсіи слѣдующимъ лицамъ: а) заштатнымъ священникамъ:

1) бѣлев. у. с. Болота *Роману Романову*, 2) черн. у. с. Чичерина *Гаврилу Платонову*, 3) богородиц. у. с. Стубленовъ *Димитрію Маминину* и 4) тул. у. с. Обидома *Іоанну Крестовоздвиженскому* по 90 руб., и б) священническимъ вдовамъ: 1) г. Каширы Введенской ц. *Параскевѣ Лавровой*, 2) тул. у. с. Новаго *Марьѣ Любомудровой*, 3) бѣлев. у. с. Монаенокъ *Пелагеи Богоявленской*, 4) ефремов. у. с. Кличина *Аннѣ Богоявленской* и 5) богородиц. у. с. Петропавловскаго—Хрущевки *Параскевѣ Лебедевой*—по 55 р.

— Умерли священники: 1) тул. Успенскаго кафедральнаго собора *Василій Постыловъ*, 2) тул. у. с. Суходола-Кишкина *Николай Надеждинъ* и 3) чер. у. с. Старога Роскотца—*Іоаннъ Базаровъ*.

— По резолюціямъ Его Высокопреосвященства, перемѣщены: 1) на праздное свящ. мѣсто въ с. Скобочевѣ одоев. у.-священникъ с. Казюлькина тогожъ у. *Арсеній Баршевскій*, приходъ же с. Казюлькина для совершенія въ немъ священнослуженія и требъ-соединень, согласно проекту штатовъ, съ приходомъ ближайшаго къ нему с. Каменки, 2) согласно собственному прошенію—перемѣщенъ свящ. *Николай Докторовъ* изъ с. Знаменскаго-Дѣвочкина черн. у. на свящ. мѣсто въ с. Суходолѣ Кишкинѣ тул. у., 3) согласно прошенію свящ. черн. у. с. Чичерина *Алексыя Базарова*, перемѣщенъ онъ, Базаровъ, на свящ. мѣсто въ с. Старомъ-Роскотцѣ тогожъ у. для поддержанія осиротѣвшаго родственнаго ему немалочисленнаго семейства и 4) согласно словесно заявленному желанію свящ. одоев. у. с. Кузьменовъ *Виктора Погожева*—перемѣщенъ онъ, Погожевъ, на свящ. мѣсто, нынѣ праздное, въ с. Раевѣ чер. у., съ предоставленіемъ ему права настоятельства по церкви с. Раева. Приходъ же с. Кузьменовъ соединень съ приходомъ с. Глиницъ для священнослуженій и требованій.

— Умерли священники: 1) тул. Успенскаго кафедральнаго собора *Василій Постыловъ*, 2) тул. у. с. Суходола-Кишкина *Николай Надеждинъ* и 3) чер. у. с. Старога Роскотца—*Іоаннъ Базаровъ*.

ПРИВАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВЪДОМОСТЯМЪ.

1-го Марта № 5 1877 года

ИЗОБРАЖЕНІЕ СВ. СОФІИ, ПРЕМУДРОСТИ БОЖІЕЙ, НА ИКОНАХЪ(*).

Имя Св. Софіи (Ἁγία Σοφία) неразрывно связано съ судьбою восточной римской имперіи съ IV в. до самаго паденія Византии въ половинѣ XV вѣка. Вокругъ храма Св. Софіи въ Константинополѣ сосредоточивалась государственная жизнь нѣкогда могущественнаго и славнаго государства; здѣсь православные императоры испрашивали у Господа силъ побѣду надъ многочисленными врагами своими и здѣсь же возсылали къ небу благодарность за успѣхи въ битвахъ. Если царственный городъ Св. Константина былъ какъ бы матерію всѣхъ городовъ греческаго царства: то величественная церковь Св. Софіи была какъ бы матерію самаго царственного города свидѣтельницею процвѣтанія и счастья его, а также и посѣщавшихъ его невзгодъ. И наше русское сердце не можетъ не восторговаться радостію при имени Св. Софіи. Въ этомъ храмѣ наши предки— послы св. великаго князя Владиміра познали превосходство восточнаго православія предъ западнымъ исповѣданіемъ, предъ магометанствомъ и иудействомъ. По этой, конечно, причинѣ имя Св. Софіи было столь дорого для нашихъ предковъ, что они нарекли имъ два древнѣйшіе храма въ двухъ древнѣйшихъ столицахъ русской земли—Кіевѣ и Новгородѣ. Для новгородцевъ Святая Софія была великою святынею. Во всѣхъ своихъ общественныхъ дѣлахъ новгородцы всегда обращались къ Святой Софіи за благословеніемъ. Призывали ли они себѣ

(*). Поводомъ къ составленію этой статьи служило обновленіе церкви въ тульской семинаріи во имя Софіи—Божіей премудрости. Авт.

князя, избирали ли новаго владыку, ополчались ли на враговъ, предпринимали-ль торговыя сношенія съ сосѣдями и во время своихъ буйныхъ споровъ на вѣчѣ, они прежде всего испрашивали благословенія Св. Софїи и у ней искали умиротворенія своихъ распрей. Подъ ея сѣнью находили себѣ защиту преслѣдуемые буйною толпою вѣчниковъ. Во всѣхъ случаяхъ частной своей жизни каждый новгородецъ первымъ долгомъ считалъ получить благословеніе св. Софїи. Даже вольница новгородская не пускалась на свои удалые подвиги безъ благословенія Св. Софїи. Словомъ, во всѣхъ политическихъ и частныхъ дѣлахъ новгородцы безъ благословенія Св. Софїи ничего не предпринимали. Хотя съ XV вѣка константинопольскій храмъ Св. Софїи принадлежитъ уже не христіанской вѣрѣ, но и въ такомъ униженіи своемъ, даже въ самомъ недавнемъ заустѣнїи, онъ не пересталъ быть для насъ несокрушимымъ памятникомъ нашего союза вѣры съ православною Греціею. Въ 1568 году царь Иванъ Васильевичъ построилъ въ Вологдѣ соборъ и украсилъ его иконою Св. Софїи. Есть иконы Св. Софїи во многихъ мѣстахъ архангельской и вятской епархїи, въ Троицкой Лаврѣ, въ Москвѣ—въ успенскомъ соборѣ и въ некоторыхъ приходскихъ церквахъ. И у насъ въ Тулѣ есть эта икона въ приходской покровской церкви и въ двухъ домовыхъ церквахъ: гимназической и семинарской, которая недавно возобновлена во имя Св. Софїи. Не безъ интересно, по этому, будетъ познакомиться съ этою, имѣющею для насъ весьма важное историческое значеніе, по, къ сожалѣнію, мало извѣстною у насъ символическою иконою.

Въ древнія времена христіанской эры, когда церковь Христова подвергалась страшнымъ гоненіямъ со стороны язычниковъ, когда священные предметы вѣры и догматы подвергались поруганію, насмѣшкамъ и ложнымъ толкованіямъ язычниковъ; христіанская иконографія, имѣвшая дотошъ историческій характеръ, должна была скрыться въ подземелье катакомбъ и принять новый характеръ—символическій. Живопись символическая прикрывала догматы такимъ покровомъ, за которымъ язычники не могли проникнуть въ смыслъ христіанскаго вѣрованія, но который, безъ сомнѣнія, былъ доступенъ для самихъ христіанъ.

Изъ катакомбъ символическая живопись перешла потомъ въ храмы и здѣсь развивалась и осложнялась подъ влияніемъ творческаго воодушевленія древне-христіанскаго искусства. VI вселенскій соборъ, вслѣдствіе неразборчивости нѣкоторыхъ художниковъ въ выборѣ въѣшнихъ средствъ для выраженія религиозныхъ идей, 82 правиломъ запретило употребленіе при живописи символическихъ знаменъ и повелѣло изображать на иконахъ Христа Спасителя, какъ лице. Но такъ какъ запрещеніе это не имѣло въ виду совершеннаго уничтоженія древняго благочестиваго обычая символическихъ изображеній, а касалось только злоупотребленій этимъ обычаемъ, то символическія священныя изображенія держались въ христіанскихъ храмахъ долгое время и послѣ собора, а нѣкоторые изъ нихъ остались въ православной церкви и до сихъ поръ. Къ числу такихъ изображеній относятся символическія изображенія Св. Софіи.

Основаніемъ въ иконописному изображенію Софіи — Премудрости Божіей послужили слова Притч. Соломонъ: *премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ сею* (9, 1). Подъ Премудростію (Σοφία) разумѣется второе Лице Св. Троицы, Сынъ Божій, ипостасная Премудрость. Именемъ премудрости называется Единородный Сынъ Божій и въ новомъ заветѣ. Какъ Иисусъ Христосъ говоритъ въ обличеніи іудеевъ: *сею ради премудрость Божія рече: постоу къ нимъ пророки и апостолы, и отъ нихъ убіютъ и изженутъ* (Лук. 11, 49). Подъ премудростію Божіею Спаситель разумѣетъ здѣсь Себя самаго, какъ это видно изъ другаго, болѣе яснаго изложенія этихъ словъ у евангелиста Матвея: *сею ради азъ постоу къ вамъ пророки и премудры и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете* (Мат. 23, 34). Апостоль Павелъ говоритъ о Христѣ: *мы проповѣдуемъ... Христа, Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 23). Подъ премудростію, устроившею домъ, разумѣютъ Сына Божія также Отцы и учителя церкви: св. Игнатій Богоносець, св. Амвросій Медиоланскій, бл. Августинъ и св. Аѳанасій Великій (*). Подъ домомъ здѣсь

(*) Указаніе на ихъ сочин. см. —, Дни Богослуженія Дебольскаго 1849 г. кн. 1 стр. 124.

разумѣтся церковь Христова. Этимъ именемъ она называется и въ новомъ завѣтѣ. *Да устрои, пишетъ апостолъ Павелъ Тимошею, како подобаетъ въ дому Божиимъ жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15). Церковь Христова называется домомъ Божиимъ потому, что въ ней самъ Иисусъ Христосъ обитаетъ Своею благодатию, согласно непреложному Своему обѣтованію (Мат. 28, 20), особенно въ таинствѣ Тѣла и Крови Своей, и потому, что члены церкви суть тоже въ ея составѣ, что камни въ вещественномъ зданіи (1 Петр. 2, 5). Домъ премудрости утверждень на семи столпахъ. Это значитъ, что церковь Христова снабжена всеѣмъ, что только нужно для ея благоустройства, процвѣтанія и славы; потому что число 7 въ писаніи не рѣдко употребляется въ смыслѣ неопредѣленномъ, какъ число полноты и совершенства (Пс. 11, 7. Мат. 18, 21-22). Разумѣютъ также нѣкоторые(*) подъ семью столпами и семь даровъ св. Духа, и семь таинствъ, и семь вселенскихъ соборовъ. Все это такія принадлежности церкви, которыя составляютъ ея силу, красоту и славу. Но какъ въ обыкновенныхъ домахъ устроится нѣсколько покоевъ и помѣщеній, такъ и обширный домъ Премудрости заключаетъ въ себѣ множество обителей, то есть вѣрующихъ во Иисуса Христа; потому что въ каждомъ изъ нихъ обитаетъ Онъ, какъ въ жилищѣ Своемъ, вселяясь въ него пречистымъ тѣломъ и кровію Своею. Но между сими обителями Христа въ обширномъ дому Его, — въ церкви, первое мѣсто занимаетъ Пречистая Матерь Его, Которая по сему и называется въ церковныхъ пѣсняхъ, палатою, и престоломъ царя, пречистымъ храмомъ Спасовымъ[†], какъ вмѣстившая Богочеловѣка во чревъ Своемъ. Изъ сказаннаго ясно, что въ словахъ притчей Соломона Ипостасная Премудрость изображается не въ предвѣчномъ Своемъ бытіи, а въ состояніи воплощенія. Она надіемъ Святаго Духа вселяется въ утробу Приснодѣвы Маріи и устроитъ на землѣ церковь^{**}.

(*) Воскр. чт. 1849 г. № 20.

(**) Душ. чт. 1861 г. т. 3, стр. 208—210, 223.

Пророчественное изображение воплощенной Премудрости, по гречески-Софїи, послужило основаніемъ для живописныхъ изображеній ея. Многочисленные списки этихъ изображеній имѣютъ своимъ первообразомъ преимущественно икону или новгородскую или кievскую. Въ новгородскомъ софїйскомъ соборѣ, въ построенномъ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ въ 1046 году, Премудрость Божія представляется въ образѣ крылатаго ангела, который возсѣдитъ на золотомъ престолѣ, утвержденномъ на семи столпахъ. Лице его, по одеждѣ и крыльямъ багринаго или огненнаго цвѣта (*). Въ правой рукѣ жезлъ съ крестомъ, а въ лѣвой свитокъ. Кругомъ него звѣздное небо. Подъ огневидными ногами его круглая облака въ видѣ подушки. Надъ головою его въ огненномъ кругу Спаситель, благословляющій обѣими распростертыми руками. Отъ головы Спасителя по обѣ стороны простирается золотая полоса въ видѣ радуги, на ней надпись: „Премудрость Божія“. Надъ головою Спасителя на четвероножномъ золотомъ престолѣ лежитъ огневидная книга. По обѣ стороны престола, какъ къ этому престолу по три крылатыхъ ангела. На правой сторонѣ отъ сидящаго на престолѣ ангела стоитъ на колѣняхъ Божія Матерь, а обѣими руками держащая на груди въ голубомъ кругу икону Спасителя. Противъ Богородицы, на лѣвой отъ ангела, стоитъ тоже на колѣняхъ Іоаннъ Предтеча со свиткомъ въ рукѣ; на свиткѣ надпись: *покайтесь и приблизитесь царствію небесному* (**). Описанное изображение Софїи представляетъ три символа воплотившейся премудрости: крылатаго ангела; а для того, чтобы понятно было, что это не ангель, а первообразъ ангеловъ, — существо перворожденное всей твари, — надъ головою ангела, въ непосредственномъ соединеніи съ нимъ, представленъ малый поясной ликъ Эммануила; благословляющій его двумя руками, въ видѣ голубаго круга, иконы Спасителя.

(*) Какъ огонь въ полномъ своемъ развитіи не имѣетъ преградъ, такъ и Премудрость Божія безиредельна въ своей силѣ; огонь въ видѣ теплоты находится во всякомъ тѣлѣ, такъ и Премудрость Божія присуща всему существующему въ мрѣ. Огонь все нечистое истребляетъ, очищаетъ и своею теплотою поддерживаетъ жизнь, — такъ и премудрость Божія очищаетъ и животворитъ все сущее на землѣ. (Христ. чт. 1877 г. кн. 1 и 2, стр. 188—189).

(**) Древне-русск. нар. лит. и поуство Буслаева; т. 2-й стр. 294.

вляющаго обѣими руками, а еще выше книга, безъ сомнѣнія, Евангеліе, раскрытое на престолѣ. Такое повтореніе символа совершенно согласно съ древнѣйшимъ стилемъ византійскаго искусства, по которому на одной и той же иконѣ для полнѣйшаго выраженія идеи изображался одинъ и тотъ же символъ дважды, трижды и болѣе. И такъ очевидно, что новгородское изображеніе Софіи совершенно согласно съ изъясненнымъ выше смысломъ словъ книги притчей; оно изображаетъ Ипостасную Премудрость, Сына Божія, воплотившагося въ Пресвятую Дѣву Марію и устроившаго на землѣ церковь Свою, царство Божіе, ближайшимъ провозвѣстникомъ котораго былъ Іоаннъ Предтеча. Не одну и какую, а именно ту же самую мысль, только въ болѣе полномъ видѣ, выражаетъ и киевское изображеніе Софіи. Вотъ это изображеніе: Богоматерь подъ сѣнію на семи столпахъ стоитъ на амвоѣ на семи ступеняхъ. Надъ рудн Божіей Матери на воскриліи передней насти фелоніи ея, сидитъ Спаситель въ хитонѣ съ золотою хламидою черезъ лѣвое плечо, благословляющій правою рукою, а въ лѣвой римѣищій шаровидную державу. По варнизу сѣни по гречески написаны слова Соломоновы: Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмъ. Вверху надъ сѣнію изображенъ въ лучахъ наклонившійся и благословляющій Богъ Отецъ, отъ устъ котораго по дунамъ въ правую сторону написаны слова Давидовы: *Азъ утвердихъ, а въ дѣвую столпы ея* (Пс. 74, 4). Пониже Бога Отца надъ верхомъ сѣни, въ свѣтозарныхъ облакахъ о Духъ св. окруженъ свѣтлыми лучами и болѣе долгіе изъ нихъ простираются надъ главою Богоматери, и по обѣимъ сторонамъ Бога Отца надъ сѣнію же седмъ крылатыхъ ангеловъ; отъ правой стороны Михаилъ въ рукѣ съ пламеннымъ мечемъ, Уриилъ съ молніей, внизъ пущенною и Рафаилъ съ алавромъ мира; отъ лѣвой стороны Гавриилъ въ рукѣ съ цвѣтчною лиліею, Салафіилъ съ четками, Іерудилъ съ царскимъ вѣнцемъ и Варрадилъ съ пукомъ цвѣтовъ на бѣломъ платѣ. Предъ Божіею Матерію на ступеняхъ амвона стоятъ пророцы и пророки: отъ правой стороны на третьей ступени амвона пророкъ Моисей съ двойною скрижалю въ обихъ рукахъ и перстомъ правой руки показывающій на надпись

на скрижаляхъ; *радуися скрижалямъ Божіа, въ ней же перстомъ Отчимъ написася Слово Божіе.* На четвертой ступени Ааронъ въ ветхозавѣтной первосвященнической митрѣ и облаченіи, въ правой рукѣ держащій жезлъ прозябшій, а лѣвою указывающій на ступени подъ ногами Божіей Матери. На шестой ступени Давидъ въ царскомъ вѣнцѣ и манти съ горностаевымъ воротникомъ и такою же подкладкой, держащій въ обѣихъ рукахъ ковчегъ завета. Съ лѣвой стороны Богородицы на третьей ступени противъ Моисея пророкъ Исаія съ хартіею на лѣвомъ плечѣ, лѣвою рукою онъ поддерживаетъ хартію, а правую указываетъ на надпись хартіи: *се Дѣва во чревтѣ приметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ;* на четвертой ступени противъ Аарона пророкъ Іеремія, въ правой рукѣ держащій свитокъ, а лѣвою показывающій въ сторону. На пятой ступени Данииль съ камнемъ въ рукахъ. На ступеняхъ снизу, на первой написано: *вѣра*, а по обѣимъ сторонамъ сего слова, *семью восходовъ восхождение ея;* на второй ступени надежда, на третьей любовь, на четвертой чистота, на пятой смиреніе, на шестой благодѣть, на седьмой подъ ногами Богородицы слава. На всѣхъ семи столпахъ сѣни подъ капителями эмблеммы въ кругахъ: на крайнемъ отъ правой руки Богородицы книга на свиткѣ, съ семью висящими отъ ней печатями; надъ нею на верху надпись: *даръ премудрости*, а подъ нею, *видѣхъ книгу запечатлѣнну семью печатями.* На второмъ столпѣ эмблемма—седмисвѣщный подсвѣчникъ; надъ нимъ надпись: *даръ разума*, и потомъ: *видѣхъ свѣтъ свѣтъ златъ и семь свѣтильникъ верху его.* На третьемъ столпѣ, ближайшемъ къ Богоматери, эмблемма семи очесъ; надъ ними надпись: *даръ совѣта*, и потомъ, *на камени единомъ семь очесъ.* На четвертомъ столпѣ ближайшемъ къ лѣвой сторонѣ Богородицы эмблемма—седмь трубныхъ роговъ; надъ ними надпись: *даръ крѣпости*, и потомъ, *седмь трубъ на паденіе Іерихона.* На пятомъ столпѣ правая рука, обруженная семью звѣздами; надъ нею надпись: *даръ вѣдѣнія* и—*въ ручѣ десной семь звѣздъ.* На шестомъ столпѣ семь огненныхъ курильницъ съ надписью: *даръ благочестія* и *седмь фіалъ златыхъ полни ѿмѣама, иже суть молитвы святыхъ.* На седьмомъ столпѣ

путь огненныхъ молній съ надписью: даръ страха Божія и потомъ — *глаголаша семь громовъ гласы своя*(*)). Почти совершенную копію съ описанной иконы представляетъ икона Св. Софіи въ тульской семинарской церкви. Въ здѣшней иконѣ нѣтъ только того обилія надписей, которыя указаны въ описаніи иконы Кіево-Софійскаго храма, такъ, напр. нѣтъ надписи: *Азъ утвердихъ столпы ея*, надписи на скрижаляхъ Моисеевыхъ и всѣхъ тѣхъ, которыя объясняютъ значеніе эмблемъ, напр.: *видѣхъ книгу запечатлѣнну семью печатями* и проч. Нѣтъ также подписи на первой ступени — *семью восходовъ восхождение ея*. Во всѣхъ прочихъ подробностяхъ тульская икона есть копія кіевской.

Описанная икона изображаетъ Сына Божія, воплотившагося, по волѣ Отца, отъ Духа святаго и Дѣвы Маріи, и устроившаго свою церковь на землѣ, что было предметомъ вѣры и упованія ветхозавѣтныхъ праотцевъ и пророковъ. Хотя на кіевской иконѣ св. Софіи главное мѣсто занимаетъ не Сынъ Божій, а Божія Матерь; но Богоматерь не есть главный предметъ изображенія, на лонѣ Богоматери изображенъ Богомладенецъ, благословляющій правою рукою, а въ лѣвой имѣющій шаровидную державу. Онъ-то и есть Софія. Богоматерь имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какое имѣетъ она и на иконѣ Новгородской, т. е. какъ орудіе, послужившее дѣлу воплощенія Ипостасной Премудрости. Нѣкоторые наши археологи(**) объясняютъ происхожденіе иконы Софіи въ видѣ Богородицы появленіемъ на западъ и у насъ въ Россіи различныхъ толкованій, въ которыхъ Богородица называется Софією; но мы увидимъ въ послѣдствіи, что не толкованія эти были причиною изображенія, а напротивъ самое изображеніе, издревле существующее въ православной восточной церкви и не всѣми понятое, было причиною ложныхъ или по крайней мѣрѣ одностороннихъ толкованій. Утверждающе, что кіевское изображеніе св. Софіи есть олицетвореніе позднѣйшаго взгляда на Софію, какъ на Богородицу,

(*) Опис. Кіево—Соф. собора Евген. стр. 22.

(**) Др. русск. нар. лит. и иск. Буслаева стр. 197.

въ подтвержденіе своей мысли, ссылаются на тѣ эмблеммы и символы, которыми украшена икона и которые будто бы изображаютъ Богородицу(*). Но тутъ очевидная натяжка. Нѣтъ на иконѣ ни одного символа, ни одной эмблеммы, которые бы знаменовали только Богородицу; напротивъ все они изображаютъ Сына Божія, родившагося отъ Пресвятой Дѣвы и устроившаго на землѣ Свою церковь. Богъ младенецъ на персяхъ Пресвятой Дѣвы былъ главнымъ предметомъ вѣры и надежды древнѣйшихъ праотцевъ и пророковъ, которые и представлены на иконѣ въ семи представителяхъ своихъ, стоящихъ на ступеняхъ семистолпнаго храма и держащихъ знаменія своихъ пророчествъ. Вотъ Моисей со скрижалями закона, на которыхъ написано: „Радуйся скрижали Божія, въ ней же перстомъ Отчимъ написана Слово Отчее“. Подлѣ Моисея первосвященникъ Ааронъ съ прозябшимъ жезломъ, знаменующимъ Господа Иисуса Христа. Затѣмъ царь и пророкъ Давидъ, держащій въ рукахъ вощегъ завѣта, который, хотя и знаменуетъ Матерь Господа, но съ этимъ нераздѣльно связывается представленіе и о томъ, святѣйши Чьей она была Кивотомъ (пс. 131, 8). Далѣе Исаія съ пророчествомъ о рожденіи Эммануила отъ Дѣвы; Іеремія, который говорилъ Израилю о пришествіи *Востока праведнаго, отрасти правды* отъ дома Давидова (Іер. 23, 5. 33, 15); Іезекиль съ затворенными вратами, чрезъ которыя прошелъ единъ Господь; Давидъ съ отторгшимся камнемъ отъ дѣвственной горы, разрушившимъ многосоставной кумирь, т. е. царства языческія и основавшимъ по всей землѣ едино царство Божіе—святую церковь (Дав. 2, 34 и дал.). Вверху надъ сѣнію Богъ Отецъ, благословляющій церковь свою; подъ нимъ Духъ святой, изливающій на нее благодатныя даря свои. По сторонамъ ихъ архангелы съ знаменіями своей помощи вѣрующимъ: Вотъ пламенный мечъ Михаила и молнія Уриила, готовые поразить враговъ нашего спасенія. У Рафаила есть алавастръ мира для уврачеванія болѣзнующихъ сердець, а у Гавріила благоухающія лиліи для утѣшенія и подкрѣпленія духа.

(*) Рук. для сел. паст. 1877 г. № 7.

Салафилъ съ четками-молитвенникъ нашъ Іегудилъ показываетъ вѣнецъ небесный, а Варахилъ нетлѣнные райскіе цвѣты. Эмблеммы подъ капителями служатъ олицетвореніемъ семи даровъ исходящихъ отъ Духа святаго. Чтобы войти въ храмъ, устроенный Премудростію, сдѣлаться достойными членами созданной ею церкви, нужно имѣть не только вѣру, надежду и любовь, но и плоды ихъ—чистоту, смиреніе и благодать. При этихъ только условіяхъ можно достигнуть полной славы въ небесномъ царствѣ. Таково значеніе надписей, начертанныхъ на семи ступеняхъ амвона(*).

Впрочемъ, вопросъ о значеніи кіевскаго изображенія Софіи—Премудрости Божіей не многими у насъ подвергается сомнѣнію и рѣшается въ иномъ смыслѣ; по этому гораздо важнѣе для насъ вопросъ о древности существующихъ у насъ изображеній Св. Софіи, тѣмъ болѣе, что кіевское изображеніе Софіи древнимъ въ литературѣ объ этомъ предметѣ не признается и вѣкоторыми относится ко временамъ Петра Могилы(**). Для рѣшенія вопроса о древности иконъ Софіи обращаемся къ мозаикамъ, открытымъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія подъ отбитою штукатуркою на стѣнахъ и сводахъ византійскаго собора архитекторомъ нашей миссіи въ Константинополь Фоссати, который, по порученію султана Абдула Меджида, очищалъ и обновлялъ бывший храмъ Софіи. Изъ этихъ мозаикъ обращаютъ на себя наше вниманіе слѣдующія: На южной сторонѣ храма, надъ средними вратами ведущими изъ притвора въ самый храмъ и называвшимися царскими, есть мраморный порталъ или навѣсъ. Подъ этимъ навѣсомъ мозаически изображенъ Св. Духъ, въ видѣ голубя, сходящій на Евангелие, раскрытое на словахъ: „Рече Господь: Азь есть дверь овцамъ: Мною аще кто внидетъ, спасется, и внидетъ и изыдетъ и пажитъ обращеть“ (Іоан. 10, 9).—Выше навѣса мозаика изображаетъ Спасителя, сѣдѣющаго на престолѣ съ Евангелиемъ на ко-

(*) Въ этомъ смыслѣ объясняются всѣ символы и эмблеммы на иконѣ Софіи въ „Словѣ о храмовой иконѣ Кіево-Соф. собора“.—Воскр. чт. 1849 г. № 20.

(**) Древн.-руск. нар. лит. и искусство Буслая, т. 2-й, стр. 197.

дѣвнѣхъ, открытымъ на словахъ: „Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру“. По сторонамъ Спасителя, въ мраморныхъ кругахъ, Пречистая Дѣва и благовѣствующій Ей архангелъ Гавріиль (*). На одной изъ главныхъ арокъ храма, — восточной по отношенію къ куполу, — въ самой срединѣ, въ кругу, представленъ низкій золотой столъ съ двумя зелеными подушками лежащими одна на другой, на нихъ голубое покрывало съ большими коймами; по верху его золотая книга съ красными орнаментами и надъ нею золотой крестъ. Влѣво отъ этого изображенія находится ликъ Богоматери, схожій съ имѣющимся въ Кіево-софійскомъ соборѣ надъ горнимъ мѣстомъ: та же одежда, то же подъятіе руки. Надписаніе гласитъ: „Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ“. Вправо ликъ св. Іоанна Предтечи съ поднятою правою рукою и съ крестомъ на посохѣ въ лѣвой, длинными волосами, раздѣляющеюся бородою, въ нижней волосатой темной одеждѣ и верхней свѣтлой (**). Со всѣми этими изображеніями въ главномъ, а съ послѣднимъ изъ нихъ почти во всѣхъ подробностяхъ сходно изображеніе Софіи въ нашемъ новгородскомъ соборѣ. Новгородское изображеніе Софіи представляетъ копію послѣдняго съ незначительными добавленіями.

(*) По мнѣнію А. Н. Муравьева. По мнѣнію Зальценберга, Михаилъ; по мнѣнію Ingot, Св. Предтеча. Этого, ближайшій къ храму, притворъ былъ назначенъ по церковному уставу для совершенія богослужебныхъ дѣтъ и для стоянія особаго класса кающихся и оглашенныхъ, называемыхъ „слушающими“. По этому Павелъ Силенціарій, современникъ Іустиніана, описавшій въ стихахъ храмъ Св. Софіи, (Описаніе (Ἐκφρασις) великой церкви или Св. Софіи) говоритъ: „кромѣ вѣшнихъ предверій есть въ святой Софіи длинное и ровное пространство, принимающее входящихъ широкими дверями такой длины, какова ширина самаго священнаго храма; это мѣсто у грековъ называется *ναὸς*; здѣсь всегда ночью возносится пріятное гнѣи и улаждаетъ слухъ Живодавца—Христа; здѣсь попеременно воспѣваются тайно совершителями священныя гимны божественнаго Давида, того кроткаго Давида, котораго восхвалилъ божественный гласъ, того знаменитаго свѣтильника, котораго славная отрасль, зачавъ во чревь Сына, рожденнаго отъ Бога безъ Матери, произростила Христа неческусобрачнымъ рожденіемъ, и, какъ мать, воспитала Сына, родившагося отъ Ней безъсмыленно. — Дух. Бес. 1867 г. т. 2, стр. 85—86.

(**) Храмъ Св. Софіи въ Константиноц. — Страницы 1869 г. т. 1 стр. 111—112.

Надъ южными вратами, ведущими изъ притвора въ константинопольскій софійскій храмъ, открыта великолѣпная мозаика, удивившая красотой сохранившагося рисунка Божія Матерьъ возседитъ на тронѣ съ Богомладенцемъ, а по сторонамъ предстоятъ два императора въ лиловыхъ далматикахъ и золотыхъ нарамникахъ; на ногахъ красныя царскія сандали, а на главахъ — жемчужныя діадымы, т. е. низкія повязки съ крестомъ на верху: оба безъ бороды и волосы ихъ темнорусые. Одинъ съ правой стороны подноситъ Богородицѣ зубчатый городъ, на вратахъ котораго два креста, и съ боку надпись: „Константинъ, иже во святыхъ великій царь“. Другой подноситъ Ей храмъ св. Софіи, и надпись гласитъ: „Иустиніанъ присвопамятный государь“ (*). Думаемъ, что безъ всякихъ объясненій понятно, кого должно разумѣть подъ описаннымъ изображеніемъ. Иустиніанъ посвящаетъ Богородицѣ съ Богомладенцемъ построенный имъ храмъ; а храмъ этотъ, какъ извѣстно, построенъ (былъ) въ честь Софіи Премудрости Божіей; слѣдовательно и описанное изображеніе есть не кто другой, а Софія. Но подъ Софіею здѣсь нужно разумѣть, какъ и разумѣли сами императоры и какъ свидѣлствуютъ позднѣйшіе историки, не Богородицу, а воплотившуюся отъ нея Ипостасную Премудрость, изображенную на лонѣ Ея. Доказательствомъ этому служитъ прежде всего надпись сдѣланная Иустиніаномъ воеругъ престола въ алтарѣ построеннаго имъ храма, того самаго храма, который онъ на иконѣ подноситъ Богородицѣ съ Богомладенцемъ. Вотъ эта надпись: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ, Христе, приносимъ рабы твои—Иустиніанъ и Θεодора; пріими сія милостиво Сыне и Слове Божій, воплотивыйся и распныйся насъ ради; соблюди насъ въ твердой вѣрѣ и врученное Тобою намъ царство расшири и защити во славу Твою, молитвами Богородицы, Приснодѣвы Маріи“ (**). Значитъ Иустиніанъ подноситъ свой храмъ не Богородицѣ, а воплотившемуся отъ нея Сыну Божію, изображенному въ лонѣ Ея. Въ доказательство того, что храмъ св. Софіи въ

(*). Странникъ 1869 г. т. 1 стр. 103—104.

(**). Христ. древности Вѣтринскаго т. 2, стр. 187.—Дух. Вѣст. 1867 г. т. 2, стр. 134.

Константинополь былъ посвященъ не Богородицѣ, а Господу Иисусу Христу можно также указать на свидѣтельство историка Павла діакона, который говоритъ: „Юстиніанъ построилъ внутри Константинополя храмъ Христу Господу, который есть премудрость Бога Отца“ (*). И такъ несомнѣнно, что св. Софія, Премудрость Божія, изображалась въ константинопольскомъ софійскомъ храмѣ и въ видѣ Богородицы съ Богомладенцемъ на персяхъ. И мы имѣемъ основаніе думать, что это изображеніе было весьма почетнымъ и употребительнымъ въ древнія времена. Куда бы мы ни обратили свой взоръ въ храмъ Юстиніана, вездѣ видимъ величественныя изображенія Богоматери съ Богомладенцемъ. Что это было особенно чтимое изображеніе въ софійскомъ храмѣ, видно изъ того, что благочестивые греческіе императоры повелѣвали изображать себя въ молитвенномъ положеніи по сторонамъ Матери Божіей, возсѣдающей между ними съ Богомладенцемъ на рукахъ. Такъ представленъ по сторонамъ Богоматери съ Богомладенцемъ императоръ Константинъ Мономахъ и супруга его Зоя; потомъ Константинъ Багрянородный и Ирина, мать Алексѣя Комнина младшаго и проч. Эти мозаики, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ, что изображеніе св. Софіи въ видѣ Богородицы съ Предвѣчнымъ младенцемъ было самымъ уважаемымъ въ древности изображеніемъ.

Изображеніе Софіи (въ видѣ Богородицы съ Богомладенцемъ) послужило первообразомъ для изображенія кievскаго. Правда, кievская икона св. Софіи служитъ не точною копіею только что описанныхъ нами мозаическихъ изображеній св. Софіи въ храмѣ Константинопольскомъ; но во первыхъ, главная фигура на кievской иконѣ представляетъ совершенную копію съ византійскихъ изображеній; во вторыхъ въ храмѣ византійскомъ находятся и такія изображенія, изъ которыхъ очень близко подходятъ къ

изображенію св. Софіи въ видѣ Богородицы съ Богомладенцемъ на персяхъ.

(*). Lib. 1 p. 25.—Душ. чт. 1861 г. т. 3, стр. 228, 108. Сіт.—Авторъ статьи: „Храмъ Св. Софіи въ Константинополь“ говоритъ, что изображенія Богородицы съ младенцемъ и предстоящими императорами на первомъ шагѣ внушали входящему благоговѣніе къ имени того, кому посвященъ былъ храмъ (Дух. Бес. 1867 г. т. 2, стр. 82).

изображенію Софій кievской. Такъ, напр., надъ торнымъ мѣстомъ, надъ окнами, по срединѣ полузруглаго свода была великолѣпная мозаическая икона Матери Божіей, сидящей на золотомъ тронѣ и стоящаго подлѣ ней младенца Иисуса Христа, въ бѣлой одеждѣ, пронизанной золотыми нитями; правая рука Его была поднята для благословенія, а лѣвая была прижата къ груди Его; у Богоматери же правая рука покоилась на правомъ плечѣ Божественнаго младенца, а лѣвая на лѣвомъ бедрѣ Его. По сторонамъ ихъ находились столь же изящныя мозаическія изображенія двухъ архангеловъ, во весь ростъ огромной величины, съ крыльями, съ жезлами въ правой рукѣ и съ круглыми монограммами имени Христова въ лѣвой рукѣ; они величественно стояли по скатамъ алтарнаго полукупола, какъ бы взирая на престолы Божій и храня таинственное святилище (*). Здѣсь мы видимъ прибавленіе ангеловъ. Но въ рѣше всего, что кievское изображеніе Софій есть соединеніе различныхъ изображеній византійскаго храма, находящихся на стѣнахъ, аркахъ и куполѣ его и, во всей своей совокупности, выражающихъ мысль о воплощенной Премудрости. Въ византійскомъ софійскомъ соборѣ не было одной какой-нибудь опредѣленной храмовой иконы, и мысль о воплощеніи отъ Дѣвы Богъ-Словъ выражалась, различнымъ образомъ; но полное выраженіе этой мысли могли представить только всѣ вмѣстѣ взятыя изображенія, которыми украшена была вся внутренность софійско-византійскаго храма. По этому-то кievскіе художники и соединили въ одной иконѣ то, что въ Константинопольскомъ храмѣ находилось въ разныхъ мѣстахъ храма. Разсматривая арки, стѣны и куполъ храма, мы находимъ всѣ главныя изображенія, которыя вошли въ составъ изображенія Софій Кievской. Кромѣ изображенія Богородицы съ Предвѣчнымъ младенцемъ, занимающаго самыя видныя мѣста въ храмѣ, — на стѣнахъ подъ южною и сѣверною главными арками, были между прочимъ, изображенія большихъ и малыхъ пророковъ: Исаи въ свѣтлозеленомъ хитонѣ, украшенномъ серебромъ,

(*) Дух. Бес. 1867 г. т. 2, стр. 137—138. — Стран. 1869 г. т. 1, стр. 111.

и въ бѣлой верхней одеждѣ, съ правою рукою поднятою къ алтарю и сосвѣткомъ въ лѣвой, испещреннымъ греческою надписью: се дѣва во чревѣ приметъ и родить сына.— Тереміи, у котораго правая рука была представлена простертою, какъ бы благословляющею, а въ лѣвой свѣтокъ съ греческою надписью: „сей Богъ нашъ, не вмѣнится онъ къ Нему“,— Иезекіиля и полустертый ликъ Давида. Выше ихъ были помѣщены изображенія чиновъ ангельскихъ, отъ которыхъ впрочемъ не осталось почти никакихъ слѣдовъ, кромѣ нѣкоторыхъ надписей, подтверждающихъ предположеніе о бывшихъ здѣсь изображеніяхъ(*). Во глубинѣ верхнихъ галлерей, на право и на лѣво отъ середины храма, можно видѣть сошествіе Св. Духа на апостоловъ, представленное въ видѣ круга, въ центрѣ котораго Св. Духъ въ видѣ голубя. Надъ всѣми галлерейми и сводами храма возвышается главный куполь; его пространный плафонъ былъ покрытъ золотистою мозаикою, на которой была икона Господа Вседержителя, сѣдѣщаго вверху радуги и всѣхъ озаряющаго съ недосязаемой высоты(**). Всѣ эти изображенія вошли въ составъ иконы Софіи кievскаго образца. Что касается разныхъ символовъ, эмблемъ и надписей, находящихся на Софіи Кіевской, то они могли быть взяты изъ того же византійскаго храма который, по свидѣтельству историковъ, (***) былъ украшенъ различными символами и надписями, но которыя отъ времени и изувѣрства турокъ уничтожились. Такимъ образомъ кievская икона св. Софіи представляетъ намъ миниатюръ величественнаго Іустиніанова храма со стороны находящихся въ немъ изображеній. Чтобы предположенія наши относительно происхожденія иконы Софіи кievской не показались произвольными, въ подтвержденіе этихъ предположеній можно указать на то обстоятельство что когда Іустиніанъ на существующей до его времени въ храмахъ алтарной погруд-

(*) Напр. *αληθινῶν*—чистыхъ безплотныхъ.

(**) Стран. 1869 г. ч. 1. стр. 113.—Дух. Бес. 1867 г. т. 2-й, стр. 80—91.

(***) Дух. Бес. 1867 г. т. 2, стр. 136. Пам. хр. древн. Вѣтринскаго ч. 2-я, стр. 185.

ной перегородкѣ поставилъ 12 колоновъ(*) то всѣ почти изображенія, прежде находившіяся на стѣнахъ, аркахъ и сводахъ храма, заняли мѣсто на этихъ колоннахъ въ томъ порядкѣ и видѣ, въ какомъ они потомъ были сгруппированы на иконѣ Софіи кievскаго собора. Посредникъ колоновъ, говоритъ Павелъ Силенціарій, трудолюбивая рука начертала икону Пречистаго Бога, безсѣменно облеченнаго въ образъ человѣческій. Въ другомъ мѣстѣ искусство начертало Матерь Христа, вмѣстѣ вѣчнаго Свѣта, которой чрево некогда воспитало въ святыхъ нѣдрахъ Создателя чрева. Индѣ изобразило искусство воинства крылатыхъ ангеловъ, смиренно преклоняющихся вми; ибо и они не могутъ видѣть славы Бога, хотя и прикрывшагося человѣческимъ покровомъ; потому что Онъ есть такой же Богъ и по принятіи искупительной для грѣшниковъ плоти. Индѣ остріе желѣза начертало проповѣдниковъ Бога прежнихъ, жившихъ прежде воплощенія Бога, изъ устъ которыхъ проистекла священная вѣсть о грядущемъ Христѣ; не пропустило и образа тѣхъ, которыхъ ремесломъ были мрежи и рыболовныя сѣти, тѣхъ, которые, оставивъ обремененныя житейскія дѣла, послѣдовали велѣнію небеснаго Царя, сдѣлавшись ловцами человековъ и стяжавъ вмѣсто рыболовнаго искусства прекрасную мрежу безсмертной жизни(**). Здѣсь изображена цѣлая картина домостроительства нашего спасенія, олицетворена идея о воплотившейся Софіи — Премудрости Божіей во всей своей широтѣ. То, что было прежде разбѣяно по всему храму, теперь появилось вмѣстѣ, на первоначальномъ иконостасѣ, какъ самой видной для всѣхъ части храма. Очень можетъ быть, что самая древняя храмовая икона софійско-византійскаго собора, если только была таковая, совмѣщала въ себѣ всѣ тѣ священныя изображенія, которыя находились на колоннахъ алтарной перегородки, и была похожа на хра-

(*) Прав. обозр. 1872 г. ч. 1, стр. 576.

(**) Дух. Бес. 1867 г. ч. 2, стр. 142—143.

мовую икону собора Кіевскаго(*). Но если даже кіевская икона есть прямой снимокъ съ иконостаса византійскаго собора времени Іустиніана, то и въ такомъ случаѣ наше уваженіе къ ней не только не умаляется, но напротивъ возвышается, какъ къ изображенію древнему, полнѣе и рельефнѣе выражающему мысль древне-византійскихъ художниковъ о Софіи—Премудрости Божіей, нежели другія существующія у насъ изображенія.

Изображеніе Софіи—Премудрости Божіей въ видѣ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ было причиною того, что подъ Софіею стали нѣкоторые разумѣть не Іисуса Христа, а Богородицу. Въ этомъ смыслѣ составилось очень много толкованій о Св. Софіи(**), а толкованія имѣли въ свою очередь вліяніе и на самыя изображенія; доказательствомъ этому служитъ изображеніе Св. Софіи въ Тобольскомъ соборѣ, гдѣ всѣ надписи на иконѣ выражаютъ ту мысль, что Софія—Богородица(***)). Въ нѣкоторыхъ церквяхъ составились даже особенныя службы въ честь Софіи-Богородицы. Есть, напр., такая служба въ московской Софійской церкви близъ Лубянской площади. Въ икосѣ службы написано: „Заступницу мірови, пренепорочную невѣсту. Дѣву воспѣти дерзаю, ея же дѣвственную душу церковь свою Божественную нареклъ еси, и воплощенія ради Слова Твоего Софію, Премудрость Божію именовалъ еси... Зрѣвъ ея опневиденъ вообразилъ еси, отъ нея же изыде огнь Божества Твоего, сирѣчь Единородный Сынъ Твой(****). Такъ подъ перомъ, хотя и благочестивыхъ, но мало свѣдущихъ толкователей икона Св. Софіи получила другой смыслъ, несогласный съ пророчественнымъ изображеніемъ Софіи, какъ Сына Божія, воплотившагося отъ

(*) Вопросъ о времени появленія въ православныхъ храмахъ мѣстныхъ и храмовыхъ иконъ церковнаго археологія еще не рѣшила надлежащимъ образомъ. Думаютъ, (Пр. обзор. 1872 г. ч. 2, стр. 585) что эти иконы появились въ церкви не ранѣе X-го или даже XI в., но какія это были иконы—опять не извѣстно. Извѣстно только, что въ 1396 г. въ константинопольской Софіи были только двѣ мѣстныя и, конечно, храмовыя иконы Спасителя и Божіей Матери. (Acta patriarchat. Constantinopol. II, 567).

(**) Древн.-русс. нар. лит. и искусств. Буслаява, т. 2, стр. 298.

(***) Опис. Кіево-Соф. соб.—Евгенія, стр. 22—23.

(****) Душен. чт. 1861 г. ч. 3, стр. 227.

Пресв. Дѣвы. Взглядъ на Софію, какъ Богородицу, въ средніе вѣка получили такое широкое развитіе, что даже въ символическомъ Ангелѣ новгородской Софіи видѣлся благочестивымъ толкователямъ ликъ самой Дѣвы Маріи(*). Въ 17 в. составлена въ Новгородѣ Софія—Премудрости особая служба, которая отправляется 15 августа вмѣстѣ съ праздничною. Въ этой службѣ подъ Премудростию разумѣется, то Сынъ Божій, то Божія Матерь. Есть въ ней тропарь и кондакъ съ тѣмъ же смѣшеніемъ понятій(**).

Намъ остается рѣшить еще одинъ вопросъ относительно занимающаго насъ предмета. Если названіе Софіи относится къ Иисусу Христу, то почему празднованіе ей обыкновенно соединяется съ Богородичными праздниками, или съ рождествомъ Богородицы (напр. въ Кіевѣ), или съ Успеніемъ ея (напр. въ Новгородѣ и Вологдѣ). Вопросъ этотъ въ толкованіяхъ прот. Нечаева на париміи (Притч. Солом. 9 гл. 1—11 ст.) Богородичныхъ праздниковъ рѣшается такимъ образомъ: „Подъ Премудростию, о которой идетъ рѣчь въ париміи, должно разумѣть Сына Божія—Ипостасную Премудрость. Но Ипостасная Премудрость изображается здѣсь не въ предвѣчномъ Своемъ бытіи, а въ состояніи воплощенія... Посему, хотя въ париміи не говорится прямо о Богородице, но такъ какъ она послужила орудіемъ воплощенія Сына Божія, то весьма естественно подразумѣвать ее тамъ, гдѣ говорится о воплощеніи втораго Лица Св. Троицы. Если же такъ, то понятно, почему въ праздники Богородичные положено читать паримію, которая, если не называетъ Богородицу, то, по крайней мѣрѣ, явственно напоминаетъ о ней въ рующему... По той же, конечно, самой причинѣ, по которой принято въ Богородичные праздники читать паримію о Премудрости, создавшей домъ, празднованіе Ей обыкновенно соединяется съ Богородичными праздниками“(***)).

3.

(*) Древн.-руск. нар. лит. и искусств.—Буслаева; т. 2, стр. 297—298.

(**) Изъ частнаго письма.

(***) Душ. чт. 1861 г. ч. 3, стр. 223—227.

СЪ ЛЮДЬМИ „НЕ НАШЕЙ ВѢРЫ“.

I.

Русскій народъ никогда не являлся фанатикомъ въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ. Такой религіозный фанатизмъ, во имя вѣры съ огнемъ и мечемъ преслѣдующій иновѣрцевъ, — не въ характерѣ русскаго народа, и исторія руси не представляетъ намъ ни одного примѣра такой войны, которая бы велась единственно во имя вѣры, съ цѣлю истребленія ея противниковъ. Если же къ войнамъ, которыя велъ русскій народъ съ своими иновѣрными сосѣдами, всегда болѣе или менѣе примѣшивается и характеръ религіозный, если онъ, сражаясь съ половцами, татарами турками, поляками, сражался за крестъ честный и за свою святую вѣру православную, то это дѣлалось не съ цѣлю гоненія за вѣру на иновѣрныхъ, но въ видахъ защиты своей вѣры отъ посягательства на нее фанатичныхъ сосѣдей руси, и развѣ иногда изъ мести за оскорбленіе вѣры, которое всегда дозволяли себѣ фанатичные сосѣди.

Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы нашъ русскій простой народъ отличался и полнымъ равнодушіемъ по отношенію къ другимъ вѣрамъ, безразличіемъ въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ. И у него есть своя доля нетерпимости и отвращенія по отношенію къ другимъ вѣрамъ; но только эту нетерпимость скорѣе можно назвать оборонительною, нежели наступательною. Она вытекаетъ не изъ фанатизма религіознаго, но изъ того понятія, какое сложилось у русскаго народа о всѣхъ иновѣрцахъ. У него нѣтъ различія для религій иновѣрцевъ, соприкасающихся съ нимъ, потому что онъ мало знаетъ содержаніе ихъ вѣры. Коль скоро кто не принадлежитъ къ православной церкви, тотъ, по его мнѣнію, есть уже „нехристь, басурманъ, не вѣрный“ и под., его вѣра есть вѣра „нечистая, поганая“. Такъ какъ онъ не вѣрный, не молится и не брестится, то онъ близокъ къ „нечистой силѣ“, — злымъ духомъ, которые если не находятся съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ, то во всякомъ случаѣ имѣютъ къ нему невозбранной доступъ. Вслѣдствіе этого русскій

всегда питаетъ нѣкоторое отвращеніе къ человѣку „не нашей вѣры“, и даже не рѣдко какой-то суевѣрный страхъ, подобный тому, какой онъ питаетъ къ своимъ ворожеямъ и колдунамъ. Это всегда заставляетъ его, если не преслѣдовать иновѣрца, то во всякомъ случаѣ сторониться отъ него, опасаться и избѣгать съ нимъ близкихъ сношеній. Такимъ религіознымъ нерасположеніемъ русскаго крестьянина особенно пользуются евреи, — злополучная нація, испытывающая тоже самое, и еще въ большей степени, между всѣми другими народами запада. Не смотря на то, что русскому крестьянину всего чаще приходится встрѣчаться съ этою расою, и имѣть съ нею различныя дѣла и столкновенія, — народъ этотъ всѣхъ больше внушаетъ къ себѣ презрѣніе и отвращеніе въ русскомъ человѣкѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдко появляются иновѣрцы. Известно, что слово „жидъ проклятый“ обратилось въ бранное, оскорбительное слово въ русскомъ лексиконѣ, и по понятію, соединяемому съ нимъ, равносильно почти названію злаго духа.

Была осень, когда мнѣ пришлось разъ проѣзжать по одной изъ проселочныхъ дорогъ. Дорога шла густымъ лѣсомъ, и была въ это время особенно грязна, а потому мы ѣхали шагомъ. Со мною по той же дорогѣ ѣхалъ еще одинъ крестьянинъ, какъ видно, также не принадлежащій къ здѣшней мѣстности.

А славный лѣсокъ, заговорилъ крестьянинъ, мой спутникъ, въ нынѣшнее время поискать такого лѣсу.

— Да, былъ онъ въ свое время дюжій лѣсъ, ну а теперь отоцалъ, выбрался... а бывало это точно, былъ настоящій лѣсъ, отвѣчалъ ему извощикъ.

— А отъ чего же онъ отоцалъ?

— Въ нечистые руки попался! Допрежь, какъ мы сами его рубили, такъ онъ и цѣлъ былъ, потому Богъ его родилъ для православныхъ, бывало сколько его въ зиму-то положимъ, а лѣсъ все цѣлъ; а теперь, какъ пооткупили его у казны жида, такъ сразу все спустошили... на повалъ, и новаго не растеть... потому народъ такой... тяжелой, до чего рукой коснется, расти не будетъ. Говорятъ, гдѣ они побываютъ, на какой землѣ, такъ ужъ лучше уходи ско-

рѣе, не тронь ее... ничего не дасть! Проклятый народъ потому... и земля матушка отказалась рожать имъ...

— Отказалась?! За што же это она матушка такъ прогибалась на нихъ?

— Да какъ тебѣ сказать-то, вѣдь вотъ я человекъ не грамотный, а люди говорятъ, что это народъ такой погибельный, что отъ него Богъ отказался, и земля не терпитъ... Потому-вѣра у нихъ проклятая...окаянная. Во што они вѣрують?

— Во што! Знамо по своему во што нибудь вѣрують... въ какую нибудь вѣру...

— Вотъ то-то и есть, что не въ вѣру! Ужъ если бы въ вѣру они вѣровали, такъ съ какой стати Богу роптать бы на нихъ, али землѣ матушкѣ...Самъ ты посуди!

— Не въ вѣру?! А во што же ужъ кажись? Ну во што же ты другое-то станешь молиться, окромя вѣры?..

— По нашему это такъ, безъ вѣры не во што и молиться... А у нихъ-то вотъ и безъ вѣры... службу совершаютъ!..

— Кому же они службу совершаютъ? Вѣдь надо же какой нибудь вѣрѣ...Ну, въ примѣру, ты молебень закажешь, али другую какую нибудь службу... вѣдь надо сказать кому ты хочешь отслужить, а тутъ какъ? Безъ вѣры, а служи...

— Людѣ окаянному они службу свершаютъ, а вѣдѣюда развѣ это вѣра? Нѣшто можно въ такую вѣровать? Вѣра вѣдь великая-святая...по нашему вотъ: Матерь Божья, Николай угодникъ, Егорій святой...вотъ эта—вѣра! А они въ Юду...Ну вѣра ли это? Диви бы какой святой былъ!..

— Такъ ужъли ужъ даже и не святой?

— Юда-то? Што ты, Христось съ тобой. Да это ужъ самъ-то окаянной и есть...невѣрный! Ужъ не вѣришь-то его никого нѣтъ... А они въ него вѣрують!..

— Вишь ты притча какая! Какъ же это примѣрно они въ него вѣрують?

— А ужъ тамъ знамо дѣло по своему, какъ знаютъ... тоже надо полагать и служба есть... и всеношную поють и молебны... всю службу справляютъ ему окаянному каждую субботу...

— Не то ли водятъ? — а все они жиды. Вотъ потому...

Вишь ты грѣхи какіе! Окаянному, — а молебны поють и обѣдни... поди чай заупокойныя?

— А кто ихъ разбереть — какія они ему служатъ... А по моему — такъ и заупокойныхъ надъ нимъ не слѣдъ бы пѣть, потому — удавленникъ!..

— Неужли удавленникъ? Такъ какія же надъ нимъ обѣдни! Не только што обѣдни, панафиды надъ нимъ грѣхъ служить...

— Видимое дѣло что грѣхъ, когда и земля матушка его въ себя не принимаетъ: —

— Такъ чтожь онъ, — нешто на землѣ лежитъ?

— Тамъ ужъ кто его знаетъ — гдѣ онъ находится, только земля матушка говорятъ въ себя его не пускаетъ... ужъ больно окаяненъ, стало быть, Людина окаянная!..

— Прямя не въ землѣ... а гдѣ же ужъ кажись мертвому человѣку мѣсто, какъ не въ землѣ... А вѣдь можетъ статья и становой запретилъ зарывать въ землю... потому дѣло не чисто....

— Эхъ какой ты братецъ... становой! Да нѣшто они пойдутъ тебѣ къ становому? Да у нихъ хоть всѣ передавися, — ни одинъ становой не пронохаетъ... А тутъ стали бы они звать становова къ своей вѣрѣ... окаянному! — Да и дѣло-то это ужъ давнишное... тому много лѣтъ назадъ... это еще когда Петръ и Павелъ живы были, и Миколай угодникъ... и всѣ святые... такъ въ тѣ времена еще это дѣло — то было...

— Прямя давно!.. А то понче и становые-то, братъ, тоже... какъ сейчасъ мало маля не чисто, такъ и запретъ... ну и тухнетъ онъ...

Какъ же не давно? Знамо давно... много лѣтъ ужъ тому назадъ... Чай видаль вѣдь на иконахъ-ту? вмѣстѣ всѣ пишутся, потому вмѣстѣ собирались, тайную вечерню свершали... и онъ тоже втерся тутъ окаянный...

Постой, теперь понимаю! Ну какъ не видать на иконахъ, — видаль! Такъ это онъ самай и есть?

— Онъ самый...

— Это подлинно что удавился, на дубу повѣсился... къ родителямъ надо полагать не покорливъ былъ, ну и земля не принимаетъ... потому проклять ими...

— Не то къ родителямъ, — а всѣ они жиды Богомъ прокляты, потому Христа, Батюшку Бога истиннаго продали!

—Такъ, такъ это подлинно что продали... У насъ есть въ селеніи грамотѣй, всякія книжки перечель, и на словахъ такой рѣчистый.. Такъ начнетъ это когда отчитывать—какъ они, проклятые, Его батюшку на мученіе продали.

—Какъ есть, и денежки получили!

—Только кому это, дай Богъ память, они Его продали-то?

—Тамъ ужъ найдутся такіе люди, купятъ, только продай!.. А черезъ Юдѹ окаяннаго они и продали, онъ и денежки получилъ.

—Вишь ты, окаянный, жаденъ былъ до денегъ-то!.. А кто же купилъ-то? Помнится, никакъ кто-то изъ причета..

—Можетъ быть. Только вотъ за это самое Богъ его и проклялъ, ну и земля матушка въ себя его не допускаетъ..

—Такъ гдѣ же онъ, къ примѣру, теперь у нихъ находится? въ водѣ поди скрывается?

—Тамъ въ водѣ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, малоли мѣстовъ-то для этихъ нечистыхъ.. Вѣдь какъ сейчасъ это умеръ не своею смертію, удавился тамъ, или утопился, такъ прямо и къ сатанѣ въ служакѣ.. ну вмѣстѣ съ нимъ, значить, и сожительство имѣютъ, куда онъ, туда и они за нимъ.. въ лѣсъ ли тамъ, въ воду ли, вездѣ вмѣстѣ.. Только въ великую страстную недѣлю нигдѣ они себѣ мѣста не находятъ, стономъ стонуть, потому больно тяжело.. окаяннымъ..многіе изъ нашихъ слышали..

—Удивительное дѣло, въ такую вѣру вѣрують! Вѣдь ужъ если въ страшную недѣлю ему не посебѣ.. тошно, такъ это видимое дѣло, что онъ съ нечистымъ въ содружествѣ..

—Поди вотъ ты! Ужъ чего кажись видишь, коли земля не принимаетъ, а они все таки въ него вѣрують.. Обошелъ вѣрно ихъ.. Креста на нихъ нѣтъ, и Богъ отъ нихъ отступился. Ну а креста нѣтъ, такъ ему и воля окаянному..и забралъ ихъ въ свои руки..Безъ креста што ты за человекъ? Доведись до кого хочешь..

—Какой человекъ безъ креста! Вѣдь какъ только крестъ долой, такъ онъ проклятай ужъ и тутъ...и дѣлаетъ съ тобой что хочеть. Захочеть, и въ водѣ утопить, и на веревкѣ удавить, а ужъ такъ тебя не отпустить..Ну такъ

и ихнее дѣло: хоть и тяжело, а какъ ваятъ ужъ онъ ихъ въ руки, такъ ничего съ нимъ ты не подѣлаешь.. надо ублаготворять его.. вотъ и молятся.. За то и ихъ сыра земля не принимаетъ!..

— Не принимаетъ?

— А какъ же! Вѣдь у нихъ, если кто умретъ, не то отпѣваютъ, не то похороняютъ дѣ, а такъ.. какъ умеръ, такъ и пропалъ!

— Куда же они ихъ дѣваютъ?

— А кто ихъ знаетъ куда? Только у нихъ мертвого никогда ты не увидишь.. какъ только дыханіе замретъ, такъ и пропадъ.. точно его и не бывало.. и ни могилки, ни крестика опосля ничего ты не увидишь. Поди чай къ себѣ куда нибудь уносить этотъ ихъ-то окаянная сила.. въ свою бездну преисподнюю.. Такъ вотъ они какой народъ-то! Нѣшто можно съ такимъ народомъ возжаться?

— Опасное, братецъ, дѣло!..

— Заразительное! потому народъ такой.. нечистай.. ни молебствія у него, ни водоосвященія никакого не бываетъ.. только возятся съ этимъ своимъ окайнымъ.. А ужъ дѣ онъ побываетъ, такъ не скоро, говорятъ, его выживешь.. Вотъ хоть бы наше дѣло.. какъ только побывали пожили въ нашемъ селеніи, такъ все и пошло.. ужъ словно не то.. и неурожай, и недуги разные..

— Пошло?

— Да какъ же не пойти-то! Это вещь такая, что ничѣмъ ты его не выживешь..

— Это доподлинно, что трудное дѣло его выжить.. говорятъ ужъ лучше не тронь..

— Не тронь! А какъ ты его не тронешь? Вѣдь наше братъ тоже съ крестомъ, въ церкву ходимъ.. Оно все бы ничего, кажись такіе же люди, а главное ни креста, ни иконъ не имѣютъ, и нашихъ не терпятъ, отъ того и всякія напасти..

— Пропавшее дѣло! Не знали, братецъ ты мой, дѣло-то это было для насъ вновь. Живемъ въ глуши, никогда у насъ этихъ жидовъ въ селеніи не жывало, изъ поконовъ, вѣку.. А тутъ вдругъ нагрянули, лѣсу накупили, ну и стали проситься на фатеры, пусти да пусти. А отъ чего же, думаемъ не пустить, деньги большія даюгъ, такіе же

люди. — Только ест у насъ въ селеніи одинъ грамотѣй, на чужой сторонѣ живаль, ну потому и знаетъ ихъ насквозь. Вотъ онъ и говоритъ намъ: «смотри, говоритъ, ребята, ихъ пуцать въ домъ можно только съ опасной, потому они жида и Богомъ прокляты, и креста наднихъ нѣтъ... такъ, говоритъ, и въ писаніи написано...» Мы и призадумались: какъ бы на самомъ дѣлѣ безъ креста чужова человѣка въ свой домъ принять? Богъ ихъ знаетъ какой они народъ-то; можетъ быть, понадѣлаютъ то, что опосля и отъ своего дому отступишься... Мало ли чего бываетъ, вѣдь есть такой народъ!.. Мы сейчасъ къ нимъ: креста, говоримъ, хотите? Ну гдѣ же тутъ, захотятъ ли они креста, эдакой силы великой — супротивной имъ тяга крестъ животворящій! — скажи говорятъ, возметъ такая, что всю душу вытянетъ! Только есть у насъ въ селеніи одинъ мужичекъ, Макарюмъ зовутъ, то же боленъ, да денъ до денегъ, такъ онъ и говоритъ: «вотъ што, православные, конечно безъ креста дѣло шлохо, да есть же чай ли у нихъ какія нибудь иконы-то, чему нибудь да молятся! Ну, въ примѣру, Миколы угодника нѣтъ ли, а вѣдь это все едино... все божество». Мы опять къ нимъ: Микола есть? Они энто по своему сю, сю и видимъ дѣло шлохо, и Миколы нѣтъ. Ну малъ Михайла Архандела, Ильи пророка нѣтъ ли, или тамъ еще чего иже во святыхъ? Ничего нѣтъ. Нѣтъ ребята, думаемъ, тутъ сатанѣ приволье будетъ, гуляй по всему дому безъ стѣненія, ни отъ одного святова никакого удержу ему не будетъ. Нѣтъ таки Макаръ не унялся, сходя въ въ причетнику, по совѣтъ вался. Ничего, говоритъ ему причетникъ, пустить можно, только опосля надо водоосвященіе, сдѣлать, а какое тутъ водосвященіе когда онъ нечистой вкоренится! Тутъ и водоосвященіемъ ужъ не поможешь... Такъ и пустиль Макаръ въ свой домъ, а пустиль, такъ надо ужъ всѣхъ святыхъ иконъ.. Не любятъ, провятые, иконъ-то; то же должно быть тяжко и отъ нихъ... — Знамо дѣло для нихъ тяга, уже если они съ ованымъ такъ какое тутъ можетъ бытъ сожителство съ иконами?! — Вотъ и собрались мы въ нему, эдокъ кто по совѣдству и думаемъ какъ тутъ? Да и какъ не подумать, обратилъ онъ къ своему собесѣднику, вѣдь это дѣло такое,

что всего селенія касается... ты пойми, милый ты человекъ, какъ бы что нибудь другое, — такъ бы такъ, а то наво-се, иконы изъ дому вонь!.. Это, братецъ, какъ ты хочешь, а обидать всѣмъ святымъ... до чего не доведись, доведись хоть и до тебя, если авъ примѣру изъ дому вонь!.. за что? — сто же вѣды нечесты!.. а тутъ всѣхъ святыхъ вонь!.. — А для кого? Для иудины проклятой! Ужь они посадятъ жезна ихъ мѣсто своего то иудиную, а иудиную вонь отъ — Обида, какъ же не обида? повторилъ собесѣдникъ, — знамо посадятъ... — Ну возьмемъ хоть Илью батюшку пророка, — большая у него была икона, авъ самомъ углу стояла, — поди-ко ты его прогнѣви, вынеси!.. — Какъ можно Илью пророка! это прямо огонь на голову!.. — То-то и есть, что огонь палящій! А Макарь сгорячато было прямо зато него!.. Нѣтъ, и говоримъ мы Макарь, не тронь батюшку Илью пророка, — великой онъ святой! страстотерпецъ по своему небу!.. Придетъ лѣто, — все селеніе бойся изъ за тебя, какъ только туча, — не уцѣлеть никому, какъ разъ на свой праздникъ въ рости посѣтитъ!.. — Опасное дѣло, согласился собесѣдникъ, все лѣто съ опасской буды!.. — Вотъ Маваръ думалъ, думалъ, да и говоритъ: „такъ нешто, православные, съ Егорія батюшки почать? — Ну а какъ ты думаешь, обратился онъ къ собесѣднику, нѣшто легче Егорія-то обидѣть? — Великай святой богоносный!.. отвѣчалъ тотъ. — Вотъ мы и говоримъ: не тронь Макарь, не обижай Егорія, а обидишь его, онъ скотъ весь переведеть у тебя, болѣзнь наплетъ на все стадо!.. — Такъ вотъ, братцы, нешто ужъ Флора и Лавра потревожить, съ нихъ начать. — Эхъ, Макарь, оговоримъ, нешто хочешь безъ хлѣба цѣлый годъ остаться! Вѣдь они угодники — всему дому хозева, прогнѣвимъ ихъ, такъ посѣешь рожь, а у тебя выростутъ годни только цвѣточки! Нѣтъ, Макарь, ужъ если можно кого обидѣть съ меньшей опаской, такъ берись за Бузьму Демьяна и Фтняго, эти угодники только бабамъ въ пражѣ помогаютъ, а съ бабъ все таки меньше взыску, по-

тому они не отвѣтъ за хозяина..—Анѣ тутъ бабы вступились, на подпускъ не подпускають къ своимъ угодицамъ.—Ну што ты тутъ подѣлаешь? Съ кого ни начни, всѣ святые великіе.

Постой, говоритъ Макарь, это что у тебя за угодиць? Вотъ эту икону бери, съ нее можно начать, потому—и святой ужъ ее оставилъ, не видать его тутъ..—Нѣтъ, говоритъ Макарь, хоть на ней и лика нѣтъ, а это была великая икона... Аника воинъ—бѣсовъ цѣдитель на ней находился; покойница баушка, говоритъ, съ нее воду сканивала и многихъ кликушъ—бѣсноватыхъ цѣдила, многимъ помогала... Мнѣ, говоритъ, нельзя, а вотъ вы—народъ посторонній, вамъ нечего бояться...—А посторонній, говоримъ, такъ кому охота грѣхъ на душу брать... вѣдь Аника тоже великай святой...

Вѣдь за это тово и жди, что болѣзнь какая приключится... Вотъ и нашли въ селеніи старушку,—Богъ ее знаетъ какая она, а только всѣ ее остерегались, глазомъ нечиста была, много народу перенортила... Пришла она и ничего не говоря взяла горшечекъ, угольковъ положила и ладону посыпала; посыпала это,—да и давай кадить, — всѣмъ иконамъ покадила; потомъ къ этой самой иконкѣ подошла, пошептала что-то... надо полагать заповоръ какой-то да и давай снимать икону... Мы такъ и замерли всѣ... вотъ, вотъ, думаемъ... А она ничего, взяла эту икону, зацѣла про себя стихъ какой-то, и—пошла... Знамо это люди ужъ такіе... ничего не боятся... потому съ нечистымъ спозналися... Ну а ужъ какъ взяла-то она, нѣтъ бояться нечего, и понесли всѣхъ святыхъ вонъ...—Такъ вотъ вѣдь какой грѣхъ на душу положили, сами на себя бѣды навикали!—Нѣтъ, воина, братецъ твоей ниводда не тронь... не гнѣви... А Аника великай воинъ!..

Тутъ я не вытерпѣлъ, и замѣтилъ, что такого святаго нѣтъ, а что есть картины Аники воина, но этотъ воинъ не святой, а взятъ изъ сказки. вѣдь это не святой... Какъ же къ примѣру не святой когда на иконахъ пишется? возражалъ извощикъ.

—Нигдѣ, говорю, на иконахъ не пишется Аники воина.

—То-то и есть, презрительно отвѣтилъ диспутантъ, вы вотъ точно бы и грамотные люди, и Богъ васъ знаетъ—

чсму васъ только учать! Какъ же не святой, когда и въ святцахъ его имя есть?!

—И въ святцахъ нѣтъ Аники воина...

—Вотъ то-то и есть, что васъ знать всему обучили, а святцамъ не выучили. Нешто не читаль никогда святцевъ — то? Вотъ они все и воины-то на перечеть... Егорій воинъ, Еустафій-Плакида воинъ, Логинъ воинъ, Иванъ воинъ и Аника великой воинъ... Ну какъ же не святой-то?!

—Анъ вотъ Аники и нѣтъ воина-то!

—Ну такъ значить не при тебѣ писаны святцы-то, коли не умѣешь читать въ нихъ! Аника великай — да не воинъ!?. Бѣсовъ цѣлитель былъ... одинъ небѣрныхъ рати любиваль... — А мы нако-се какой грѣхъ на души взяли.

Ө. Тихвинскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Тула. Февраля 19. — Въ день востшествія на престолъ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича божественную литургію Его Высокопреосвященство совершилъ въ Богоявленскомъ соборѣ съ шестью сослужащими. На литургіи, приличное слово, произнесъ протоіерей Староникитской ц. Г. И. Пановъ. Послѣ литургіи Его Высокопреосвященствомъ отправлено положенное на этотъ день молебствіе, благодарственное съ колѣвно-преклоненіемъ, при соучастіи всѣхъ начальниковъ и чиновниковъ военнаго, гражданскаго, учебнаго и прочихъ вѣдомствъ, высшихъ военныхъ чиновъ и множества народа всѣхъ сословій. По окончаніи соборнаго молебствія во всемъ городѣ начался цѣлодневный звонъ.

—20.— Его Высокопреосвященство совершилъ литургію свт. Крестовой церкви.

—26.— По случаю празднованія дня рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича велик. Князя Александра Александровича божественную литургію Его Высокопреосвященство совершилъ въ Богоявленскомъ соборѣ съ шестью сослужащими. На литургіи приличное слово произнесъ Казанской ц. свящ. Агг. П. Зеленецкій. По литургіи Его Высокопреосвященство совершилъ благодарственное молебствіе со всѣмъ

град. духовенствомъ въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ военныхъ и гражданск. чиновъ и множества гражданъ, съ возглагошеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику, Супругѣ Его, Сыну Ихъ и всему царствующему дому.

— 27. — Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ Николочасовенской церкви.

ЮБИЛЕЙ ПРИЧЕТНИКА.

15 генваря сего 1877 г. исполнилось 50 лѣтнее служеніе при Успенской церкви въ г. Тулѣ, что въ Павшинской слободѣ, причетника Платона Михайлова Соколова, имѣющаго въ настоящее время отъ роду 70 лѣтъ. Посему случаю градскимъ благочиннымъ, той же церкви священникомъ В. Фаворскимъ, донесено было Его Высокопреосвященству о причетникѣ Соколовѣ, какъ прослужившемъ безпорочно и съ особенною дѣятельностію, въ продолженіи 50 лѣтъ, съ успѣхомъ занимавшемся обученіемъ грамотности обоюга пола разнаго сословія дѣтей (предметы обученія составляли: чтеніе славянской и гражданской печати, письмо, счетоводство, грамматика, первая часть ариметики, краткая св. исторія и краткій катихизисъ). Его Высокопреосвященство благословилъ о благочиннаго совершить благодарственное молебствіе по случаю 50-лѣтняго безпорочнаго служенія причетника Соколова, каковое въ 15 день генваря и совершено имъ послѣ литургіи, съ произнесеніемъ ему привѣтствія и отъ лица прихожанъ поднесеніемъ образа Спасителя въ серебряной ризѣ. На донесеніи благочиннаго о 50 лѣтней безпорочной службѣ причетника Платона Соколова, отъ Его Высокопреосвященства послѣдовала резолюція „11 генваря 1877 г. Во вниманіе къ пятидесятилѣтнему постоянному одобрителъному и ревностному служенію церкви причетника Платона Соколова, и во уваженіе пятидесятилѣтней усердной и полезной его дѣятельности въ дѣлѣ обученія дѣтей обоюга пола и разныхъ сословій грамотности — признаю причетника Соколова вполне заслужившимъ и достойнымъ возведенія въ санъ діакона“. 16 генваря Его Высокопреосвященство въ Николочасовенской церкви рукоположилъ причетника Соколова въ діакона.

Приветствіе,
Привнесенное благочиннымъ свящ. Василиемъ Оаворскимъ 15 Января 1877 г. предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю 50-лѣтняго Юбилея причетника, П. М. Соколова.

Достопочтенный Старецъ!

Нмѣшвій день исполнилось полувѣковое твое служеніе святому храму сему. Незавидный и слышомъ скромный путь выпалъ на долю твою, — служеніе церковно-служителя; но твое служеніе совершено съ столь примѣрною добросовѣтностію, честію и благоговѣніемъ, что желательного было имѣть подражателей тебѣ, 35 лѣтъ уже я, по благодати Божіей, какъ служитель олтаря, былъ очевидцемъ ежедневнаго твоего благоговѣйнаго служенія церкви. Сохраняя благолѣпіе храма, держа въ чистотѣ многосложную и цѣнную ризницу ты, трезвымъ образомъ жизни твоей, истинно христіанскимъ послушаніемъ въ продолженіе 50 лѣтъ свискалъ уваженіе и расположеніе всѣхъ прихожанъ храма и ближайшихъ начальниковъ твоихъ, всегда имѣвшихъ въ виду твое честное служеніе и представлявшихъ тебѣ въ примѣръ и другимъ. Предъ пречистымъ ликомъ Господа, Которымъ отъ усердія прихожанъ благословляемъ тебя въ благознаменитый для тебя день, принесемъ благодарственное молебствіе за явленную тебѣ свыше, помощь въ безпреткновенномъ 50-лѣтнемъ твоёмъ служеніи и усердное прошеніе, да подкрѣпитъ Всевышній твой старческіе силы къ дальнѣйшему служенію.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Содержаніе двухъ первыхъ книжекъ
Чтеній въ обществѣ любит. дух. просвѣщ.

Январь.

I. О первоначальномъ христіанствѣ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи новозавѣтнаго канона — противъ Баура. *Покойнаго ректора Москов. дух. академіи, прот. А. В. Горскаго.*

II. Необходимыя предположенія о лицѣ, ученіи и дѣ-

лахъ I, Христа въ виду двухъ безспорныхъ фактовъ евангельской исторіи.

III. Смуты въ іерархіи и общее ея состояніе. Очеркъ внутренней исторіи восточной церкви IX, X и XI в. *А. Лебедева.*

IV. О вліяніи христіанства на греко-римское законодательство. *В. Соколова.*

V. Древній Египетъ и исходъ евреевъ. *А. С—ва.*

VI. Изъ современной исторіи протестантства въ германіи. *Ц.*

VII. Библіографія. Учебное руководство по предмету Св. Писанія, составленное для учениковъ III класса духов. семинарій. Книги учительныя Св. Писанія В. З. Выпускъ I. Д. Аванасьева. Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ В. З. X. Орды. *Д—ва.*

VIII. Внутреннее обозрѣніе. Современное сектантское движеніе въ Россіи. Его причины и мѣры противъ него. *Д—ва.*

IX. Матеріалы для исторіи русской церкви. Письма митрополита Филарета къ преосвященному Евлампію Пятницкому.

Февраль.

I. Толкованіе посланія св. ап. Павла къ Ефесеямъ. *Еп. Теофана.*

II. Къ исторіи новозавѣтнаго текста. *М. Богословскаго.*

III. Необходимыя предположенія о лицѣ, ученіи и дѣлахъ I. Христа въ виду двухъ безспорныхъ фактовъ евангельской исторіи (противъ теоріи мнѣйшаго содержанія евангелій). *Н.*

IV. Смуты въ іерархіи и общее ея состояніе. Очерки внутренней исторіи вост. церкви IX, X и XI в. *А. Лебедева.*

V. По вопросу о нашемъ духовенствѣ. Историческіе очерки: 1) Необходимо ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступить въ бракъ? 2) Есть

ли въ каноническихъ постановленіяхъ непремѣнно требованіе, чтобы священники были изъ дѣтей духовныхъ лицъ и съ него образовалось у насъ духовное сословіе, совершенно изолированное и замкнутое? *Покройнаго ректора Москов. дух. академіи, прот. А. В. Горскаго.*

VI. Библиографія. Напоминаніе либеральнымъ католикамъ. Средневѣковая христологія. Новозавѣтная исагогика. *A—и.*

VII. Матеріалы для исторіи русской церкви. Предложенія св. Синоду митрополита Филарета. Донесенія св. Синоду митрополита Филарета. Предложенія митрополита Филарета комиссіи духовныхъ училищъ. Предписаніе относительно богослуженія великаго пятка въ 1865 году. Переписка митрополита Филарета съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Письма митрополита Филарета: а) къ ректору с.-петербургской духовной семинаріи (впослѣдствіи епископу Пензенскому) Иннокентію; б) къ Паренію архіепископу Владимірскому; в) къ ректору одесской семинаріи, архимандриту (впослѣдствіи епископу Енисейскому) Никодиму; г) къ казначею тверскаго архіерейскаго дома въ с.-петербургѣ, іеромонаху Платону; д) къ тверскому гражданскому губернатору д. с. с. Николаю Сергѣевичу Всеволожскому; е) къ министру Императорскаго двора, кн. П. М. Волконскому; ж) къ синодальному оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову; з) къ Московскому гражданскому губернатору И. В. Капнисту. *Сообщилъ архимандритъ Григорій.*

Въ приложеніи: къ обимъ книжкамъ:

Правила св. вселенскаго 6-го константинопольскаго собора съ толкованіями.

Замѣчанія на древнеславянскій переводъ Псалтири XIII—XIV вв. съ греческимъ текстомъ толковой Θεодоритовой псалтири. *Архим. Амфилохія.*

Редакторъ протодіаконъ А. Ивановъ.

Дозволено цензурою 28 февраля 1877 года.

Типографія Н. И. Соболева, въ Тулѣ.